

ДОБРОЕ СОКРОВИЩЕ

“ДОБРЫЙ ЧЕЛОВЕК ИЗ ДОБРОГО СОКРОВИЩА ВЫНОСИТ ДОБРОЕ...” (Мф. 12, 35) 0+

По благословению Преосвященного Ионафана, архиепископа Абаканского и Хакасского № 11(317) 22 мая 2018 г.

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЦЕРКВИ

Праздник Святой Троицы, называемый еще Пятидесятницей, посвящен сошествию Святого Духа на апостолов в пятидесятый день после воскресения Христова. Сошествием Святого Духа утверждается в мире христианская вера и начинается свое бытие Церковь Христова. В праздник Пятидесятницы Церковь подводит своих чад к порогу своей благодатной жизни и призывает их обновить и укрепить в себе дары Духа Святого, полученные ими в таинстве Крещения. Без благодати Божией невозможна духовная жизнь. Эта таинственная сила обновляет и преобразует весь внутренний мир христианина. Все самое возвышенное и ценное, что только каждый может желать, — подает ему Дух Святой. Вот почему праздник Святой Троицы так торжественно и радостно встречается православными христианами.

СОБЫТИЕ СОШЕСТВИЯ СЯГО ДУХА

Сошествие Святого Духа на апостолов в день Пятидесятницы описано Евангелистом Лукой в начальных главах его книги “Деяний святых апостолов.” Богу угодно было сделать это событие поворотным пунктом в мировой истории.

Пятидесятница — т.е. пятидесятый день после праздника Пасхи — был одним из трех великих ветхозаветных праздников. Этот праздник отмечал принятие Синайского законодательства при пророке Моисее, когда за полторы тысячи лет до Рождества Христова у подножья Синайской горы еврейский народ, освобожденный из Египта, вступил в союз с Богом. Евреи обещались Богу в послушании, а Господь обещал им Свое благоволение. По времени года праздник Пятидесятницы совпадал с окончанием жатвы и поэтому встречался с особенной радостью. Многие евреи, рассеянные по разным странам обширной Римской империи, старались к этому празднику прибыть в Иерусалим. Родившись в других странах, многие из них уже с трудом понимали свой родной еврейский язык, однако старались соблюдать свои национально-религиозные обычаи и хоть изредка паломничествовать в Иерусалим.

Сошествие Святого Духа не было неожиданным событием для апостолов. Еще за несколько столетий до рождения Спасителя Господь Бог начал готовить людей ко дню их духовного возрождения и предсказывал устами пророков: “Вы будете ходить в заповедях Моих и уставы Мои будете соблюдать и изолью от Духа Моего на всякую плоть... Изолью воды на жаждущее и потоки на иссохшее... и вы радостно будете почерпать воду из источников спасения... И дам вам сердце новое и дух новый дам вам, и возьму из плоти вашей сердце каменное и дам

Постепенно Бог открывал Себя людям: в ветхозаветное время люди знали только о Боге Отце, со времени рождения Спасителя люди узнали о Его Единородном Сыне, в день сошествия Святого Духа люди узнали о бытии третьего Лица Пресвятой Троицы и так научились верить и прославлять Бога, единого по существу и Троичного в Лицах — Отца, и Сына, и Святого Духа — Троицу Единую и нераздельную.

В этой статье мы расскажем о сошествии Святого Духа на апостолов, объясним значение благодати Божией в христианской жизни, расскажем о богослужении Пятидесятницы, приведем богослужебный канон Утрени в русском переводе и разъясним православное отношение к современному “дару языков.”

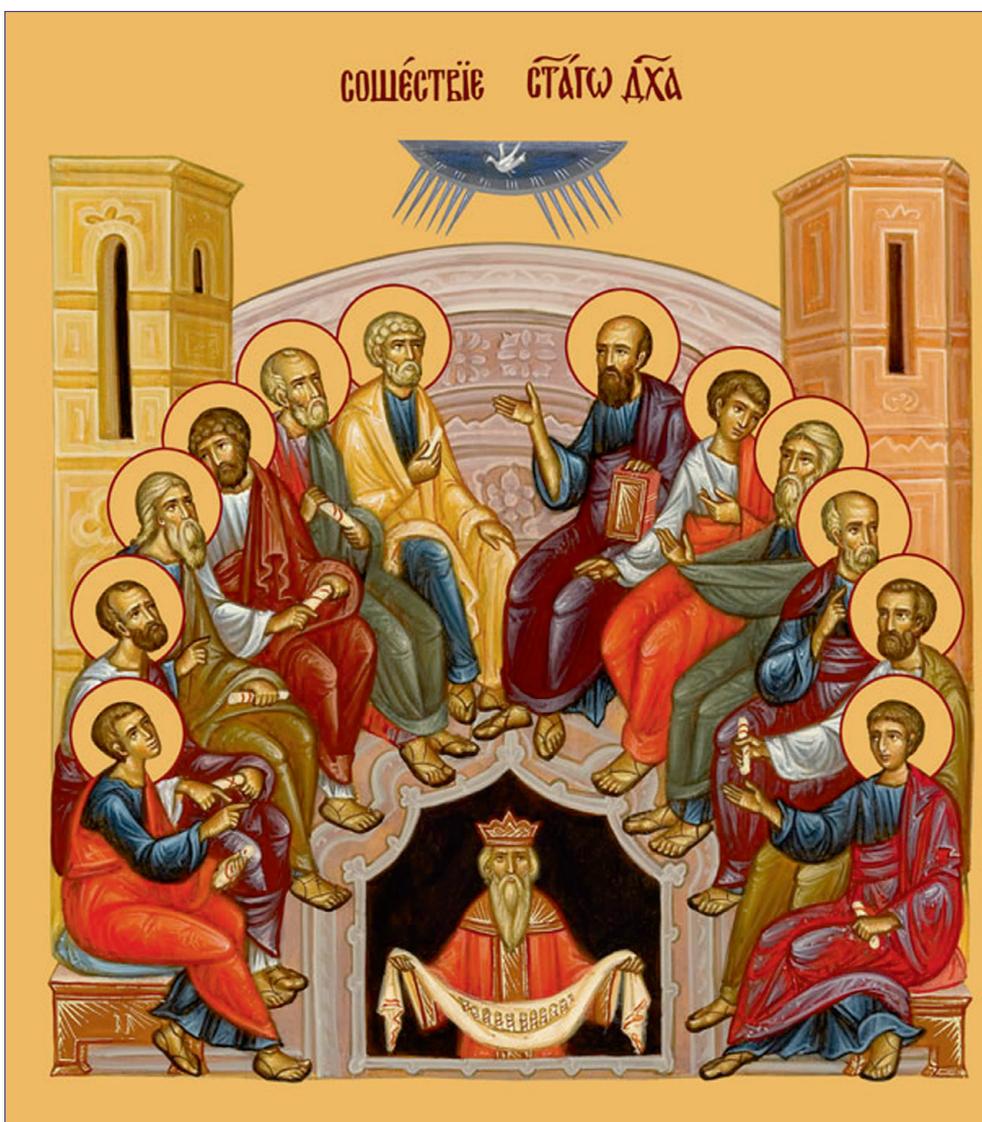
вам сердце из плоти. Вложу внутрь вас Дух Мой и сделаю выполнять” (Иоиль 2:28; Ис. 12:3, 44:3; Иез.).

Готовясь вернуться к Своему Небесному Отцу, Господь Иисус Христос перед распятием посвящает Свою прощальную беседу с апостолами предстоящему сошествию Святого Духа. Господь объясняет ученикам, что Утешитель — Дух Святой — должен вскоре прийти к ним, чтобы завершить дело спасения людей. “Я умолю Отца, — говорит Господь апостолам, — и Он даст вам другого Утешителя, да пребудет с вами во веки, — Духа Истины... Он научит вас всему и напомнит вам все, что Я говорил вам... Он — Дух Истины... Дух Истины, Который от Отца исходит, будет свидетельствовать о Мне” (Иоан. 14:16-17, 26; 15:26).

Готовясь к принятию Святого Духа после вознесения Господа на Небо, ученики Христовы вместе с Пресвятой Девой Марией, с некоторыми женами-мироносицами и другими верующими (около 120-ти человек) на Пятидесятницу находились в Иерусалиме в так называемой “Сионской горнице.” Это было, вероятно, в той большой комнате, где незадолго до Своих страданий Господь совершил Тайную вечерю. Апостолы и все собравшиеся ожидали, когда Спаситель пошлет им “Обетование Отца” и они облекутся силой свыше, хотя они не знали, в чем собственно будет состоять пришествие Духа Утешителя (Лк. 24:49). Так как Господь Иисус Христос умер и воскрес в период ветхозаветной Пасхи, то праздник ветхозаветной Пятидесятницы приходился в том году на 50-ый день после Его воскресения.

И вот, в девятом часу утра, когда народ обычно собирался в храм для жертвоприношения и молитвы, внезапно над Сионской горницей послышался шум, как будто от бурного ветра. Шум этот наполнил дом, где находились апостолы, и одновременно над головами апостолов появилось множество огненных языков, которые стали опускаться на каждого из них. Эти языки имели необыкновенное свойство: они светили, но не жгли. Но еще более необычайным были те духовные свойства, которые эти таинственные языки сообщали. Каждый, на кого этот язык спускался, чувствовал в себе большой прилив духовных сил и, одновременно, несказанную радость и воодушевление. Он начинал чувствовать себя как бы совсем иным человеком: умиротворенным, полным жизни и горячей любви к Богу. Эти внутренние изменения и новые неиспытанные чувства апостолы стали выражать в радостных восклицаниях и в громком славословии Бога. И тут обнаружилось, что они говорили не на своем родном еврейском, а на каких-то других, неизвестных им языках.

Продолжение на 2-й стр.

«Папа, это он!» Святые Кирилл и Мефодий в судьбах славянских народов

стр. 2

Апостол Павел в Ареопаге

стр. 3

Во что верят христиане

стр. 5

Брак и семья Растения в Евангелии

стр. 6

стр. 7

стр. 8

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ЦЕРКВИ

Продолжение. Начало на 1-й стр.

Так совершилось над апостолами крещение Духом Святым и огнем, как было предсказано пророком Иоанном Крестителем (Мт. 3:11). Между тем, шум, напоминающий бурный ветер, привлек многих людей к апостольскому дому. Увидев стекающийся со всех сторон народ, с молитвами хвалы и прославления Бога на устах апостолы вышли на кровлю дома. Слыша этот поток радостных молитв, собравшиеся около их дома были поражены непонятным для них явлением: ученики Христовы по происхождению большей частью галилеяне, люди по виду необразованные, от которых и ожидать нельзя было знания иного языка, кроме их родного, вдруг начали говорить на разных иностранных языках, так что, как ни разнообразна была толпа людей, прибывших в Иерусалим из разных стран, каждый слышал свою родную речь. Но нашлись среди толпы и циники, которые не постыдились смеяться над вдохновенными проповедниками, говоря, что апостолы, мол, уже так рано успели напиться вина.

На самом же деле сила Духа Святого обнаружилась тогда, кроме прочих внутренних благодатных перемен, еще и во внешнем даре языков именно для того, чтобы апостолы могли успешнее распространять Евангелие среди разных народов, не имея надобности в изучении иностранных языков.

Увидев недоумение людей, апостол Петр выступил вперед и произнес свою первую проповедь, в которой объяснил собравшимся, что в чудесном сошествии Святого Духа исполнилось древнее предсказание Иоила, который говорил от имени Бога: *«И будет в последние дни, говорит Господь, изолью от Духа Моего на всякую плоть. И будут пророчествовать сыны ваши и дочери ваши; и юноши ваши будут видеть видения, и старцы ваши сновидениями вразумляемы будут. И на рабов Моих и на рабынь Моих в те дни изолью от Духа Моего; и покажут чудеса на небе вверху и на земле внизу»* (Иоиль 2:28-32). Апостол объяснил, что именно в таком сошествии Святого Духа должно было совершиться дело спасения людей. Чтобы удостоить людей благодати Святого Духа, потерпел крестную смерть и воскрес из мертвых пришедший Мессия — Господь Иисус Христос.

Кратка и проста была эта проповедь, но поскольку устами Петра говорил Дух Святой, то эти слова проникли в сердца слушавших. Многие из них умилились сердцем и спросили его: *«Что же нам надо делать?»* — *«Покайтесь, — отвечал им апостол Петр, — и да крестится каждый из вас во имя Иисуса Христа.»* И вы не только будете прощены, но и сами получите благодать Святого Духа.

Многие, уверовавшие в Христа по слову апостола Петра, тут же всенародно покалялись в своих грехах, крестились, и к вечеру этого дня Церковь Христова из числа 120 выросла до 3000 человек. Таким чудесным событием началось существование Церкви Христовой — этого благодатного общества верующих, в котором все призваны спасать свои души. Господь обещал, что Церковь пребудет непобежденной вратами ада до самого конца существования мира!

Следует думать, что не случайно совпали в тот день два знаменательных события — сошествие Святого Духа и еврейская Пятидесятница. Ветхозаветная Пятидесятница отмечала избавление евреев из египетского рабства и начало свободной жизни в союзе с Богом. Сошествие Святого Духа на верующих в Иисуса Христа осуществляло освобождение верующих от власти дьявола и было началом нового, благодатного союза с Богом в Его духовном Царстве. Так праздник Пятидесятницы стал днем, когда ветхозаветная теократия, начавшаяся от Синая и долго управлявшая обществом через суровый письменный закон, заменилась новозаветной, в которой верующими людьми руководит Сам Бог, в духе свободы и любви (Рим. 8 гл.).

Глубоко пережив события поругания, смерти и воскресения Господня, святые апостолы ко времени Пятидесятницы духовно возмужали, многое прочувствовали и созрели для принятия даров Святого Духа. Тогда и низошла на них полнота благодати Божией, и они первые вкусили духовные плоды спасительного подвига Богочеловека.

ЗНАЧЕНИЕ БЛАГОДАТИ В ЖИЗНИ ХРИСТИАНИНА

В каждом человеке есть семя добра. Однако, как обычное семя не может развиться и созреть без влаги и света, так и душа человека остается бесплодной, пока ее не оросит благодать Божия. Чувствуя в себе недостаток божественной помощи, ветхозаветный праведник молился Богу: *«Душа моя, как бесплодная земля, стремится к Тебе»* (Псл. 142-й). И все люди, искренне жаждущие праведности, понимают, что без помощи Божией, без Его руководства и поддержки невозможна никакая духовная жизнь. Благодать Божия обновляет душу человека, очищает его совесть, просвещает разум, укрепляет веру, направляет волю к добру, согревает сердце любовью к Богу и ближним, устремляет человека к небесному, вселяет в него желание жить духовными интересами. Она очищает и освящает все его существо. По свидетельству многих, удостоившихся высшего духовного озарения, благодать Божия приносит такой мир и радость душе человека, что все земные блага и все физические удовольствия кажутся жалкими и ничтожными.

Со дня сошествия Святого Духа на апостолов каждый вновь крещенный в таинстве миропомазания, подобно апостолам, удостоивается благодати Духа Святого. Сила этого таинства настолько велика и неизгладима, что оно, как и крещение, не повторяется. Последующие таинства Церкви, как например: исповедь и причастие, а также богослужения в храме, частная молитва, пост, дела милосердия и добродетельная жизнь, имеют целью укрепить и усилить в христианине действие благодатных даров, полученных им в миропомазании.

Возрождающая сила благодати Божией обнаруживает себя в благотворных внутренних и внешних переменах в людях, при-

нявших ее. Эти перемены были особенно очевидны в учениках Христа. Они, как мы знаем, до сошествия Святого Духа были людьми простыми, некнижными и вовсе не владеющими словом. Когда же на них сошел Святой Дух, они обогатились духовной мудростью и своим вдохновенным словом стали привлекать к вере не только простой народ, но даже философов и знатных людей. Их овеянное благодатью слово проникало в самые огрубевшие сердца, располагая грешников к покаянию и исправлению, а малодушных — к усердию.

Из робких и боязливых, какими апостолы были при жизни Спасителя, они после сошествия Святого Духа стали мужественными и бесстрашными. Результатом полученных ими благодатных даров было возникновение множества христианских общин еще при жизни апостолов не только в разных частях Римской империи, но и за ее пределами: в северной Африке, Индии, Персии и на юге Скифии. Так благодаря неутомимым трудам апостолов стало распространяться христианство во всем мире, а вместе с этим началось и возрождение человеческого общества.

В возрождающей силе благодати Святого Духа можно убедиться, читая книгу *«Деяния святых апостолов»*, в которой описывается жизнь христиан в первое десятилетие после Пятидесятницы. Действительно, многие грешные, маловерующие и живущие плотскими интересами люди, приняв Святого Духа, делались глубоко верующими, праведными, полными усердия и горячей любви к Богу и людям.

«Они [новокрещенные], — как пишется в книге «Деяния», — постоянно пребывали в учении Апостолов, в общении и преломлении хлеба [Причащении] и в молитвах. Все же верующие были вместе и имели все общее. И продавали имения и всякую собственность, и раздавали всем, смотря по нужде каждого. И каждый день единодушно пребывали в храме, и преломляя по домам хлеб, принимая пищу в веселье и простоте сердца, хваля Бога и пользуясь любовью всего народа... У множества верующих было одно сердце и одна душа. И никто ничего из имения своего не называл своим, но все у них было общее... Не было между ними никого нуждающегося» (Деян. 2:42-47; 4:32-35).

Одним словом, духовные интересы и стремление к небесному вытеснили в них все греховное и низменное.

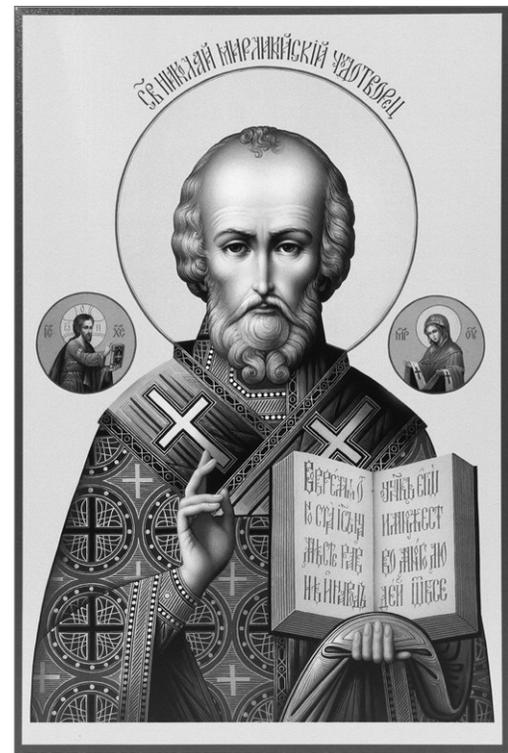
По учению Спасителя, сама духовная жизнь невозможна без помощи свыше: *«Если кто не родится от воды и Духа, не может увидеть Царства Божия... Рожденное от плоти есть плоть, рожденное от Духа есть Дух»* (Ин. 3:5-6). Еще Спаситель учил о Духе Святом, что Он наставляет христианина в истине, утешает в скорбях, утоляет его духовную жажду (См.: Ин. 16:13-17; 4:13-14). Апостол Павел все христианские добродетели именует *«плодом Духа»*, говоря: *«Плод духовный есть любовь, радость, мир, долготерпение, благодать, милосердие, вера, кротость, воздержание»* (Гал. 5:22-23). Часто внутренний духовный рост и совершенствование христианина происходят незаметно для него самого, как Господь объяснил в притче о невидимо растущем семени (Мр. 4:26-29). О таинственном действии Св. Духа на душу человека Спаситель говорил: *«Дух дышит, где хочет, и голос Его слышишь, не зная, откуда приходит и куда уходит. Так бывает со всяким, рожденным от Духа»* (Иоан. 3:8).

Кроме духовных дарований, необходимых каждому христианину в его личной жизни, Святой Дух еще подает отдельным верующим особые дарования, которые нужны для блага Церкви и общества. Об этих особых дарованиях апостол Павел так пишет: *«Каждому дается дар Духа на пользу. Одному дается Духом слово мудрости, другому слово знания, тем же Духом; иному вера, тем же Духом; иному дары исцелений, тем же Духом; иному пророчество, иному различение духов, иному разные языки, иному истолкование языков. Все же сие производит один и тот же Дух, наделяя каждого особо, как Ему угодно»* (1 Кор. 12:7-11). Далее Апостол сравнивает Церковь с телом, каждая часть которого имеет свое назначение: *«Бог поставил в Церкви кого Апостолами, кого пророками, кого учителями; иным дал силы чудодейственные, а также дары исцелений, помощи, управления, дар языков»* (Еф. 4:11-12).

Христианин, получив благодать, становится живым храмом Святого Духа. Вот почему он должен хранить себя от всякого греха, как наставляет Апостол: *«Разве не знаете, что вы храм Божий, и Дух Божий живет в вас? — спрашивает ап. Павел. — Если кто разорит храм Божий [своей невоздержанностью], того покарат Бог, ибо храм Божий свят, а этот храм — вы»* (1 Кор. 3:16-17).

В своей притче о десяти девах Господь говорит о необходимости получения духовных даров. Без них человек все равно, что лампада без елεια или обуглившееся и погасшее полено (Мт. 25:1-13). Объясняя притчу Спасителя о десяти девах, святой Серафим Саровский учит, что целью человеческой жизни является *«стяжание»* (приобретение) благодати Божией (См.: его беседа с Мотовиловым).

Хотя благодатная сила Духа Святого дается верующему не по его заслугам, а по милости Божией, в результате испуительных страданий Богочеловека, однако она возрастает в нем по мере его усердия в христианской жизни. Преподобный Исаак Сирий пишет: *«В какой мере человек приближается к Богу намерением своим, в такой и Бог приближается к нему дарами Своими.»* Апостол Петр так наставляет христиан: *«Как от Божественной силы Его дано нам все нужное для жизни и благочестия... то вы, прилагая к сему все старание, покажите в вере вашей добродетель, в добродетели рассудительность, в рассудительности воздержание, в воздержании терпение, в терпении благочестие, в благочестии братолюбие, в братолюбии любовь»* (2 Пет. 1:3-7). Апостол Павел убеждает христиан привлекать благодать Божию добродетельной жизнью и молитвой, говоря: *«Поступайте, как чада света, потому что плод Духа состоит во всякой благодати, праведности и истине... Исполняйтесь Духом, назидая самих себя псалмами, и славословиями, и песнопениями духовными, воспевая в сердцах ваших Господь»* (Еф. 5:8-9, 18).

«Папа, это он!»

Об одном из чудес святителя Николая Мирликийского

В свое время этим рассказом со мной поделился иеромонах Феофилакт (Белянин), подвизавшийся в Псково-Печерском монастыре. Он вошел в его рукописный сборник *«Это случилось в наше время»*.

Дело было в 70-е годы прошлого века. Одна советская семья шумно праздновала день рождения отца семейства. Как водится, с застольем, тостами и возлияниями. И в разгар веселья как-то забыли о пятилетнем сыне именинника. А он вертелся вокруг гостей, лазал под столом и вдруг незаметно для родителей пролез на запрещенный для него балкон. А квартира их находилась на восьмом этаже.

В ужасе отец посмотрел вниз, с содроганием ожидая увидеть распростертое на земле тело сына, — а его Саша спокойно играет на травке.

В разгар веселья мальчика хватились. Посмотрели: нет его нигде. Ни в комнатах, ни на кухне, ни в коридоре. Дверь закрыта, уйти не мог. Родители устремились к открытой дверце балкона. И на балконе нет! В ужасе отец посмотрел вниз, с содроганием ожидая увидеть распростертое на земле тело сына, — а его Саша спокойно играет на травке. Не дожидаясь лифта, отец помчался по лестнице, выскочил на улицу, подхватил на руки сына, обнял и спросил:

— Саша, как ты здесь оказался?

— Папа, а ты ругать не будешь?

— Нет, сынок.

— Понимаешь, мне стало скучно, я пошел на балкон, стал смотреть вниз, а внизу так интересно. Я перегнулся — и вдруг полетел вниз. Но когда я летел, меня подхватил дедушка.

— Какой еще дедушка? Твой дедушка сидел с нами.

— Нет, другой. Такой красивый, с короткой белой бородкой. Одетый, как в церкви. Он перенес меня вниз, опустил на травку и исчез.

Отец не знал, что и думать. В его материалистическую голову это совершенно не вмещалось. Это против всех законов физики, закона всемирного тяготения, наконец. Но сын здесь, живой. И не мог же он через закрытую дверь пройти! Это уж совсем против всяких правил.

К ликованию всех гостей отец принес Сашу домой, посадил себе на колени и уже не спускал с него глаз. И вдруг сын сказал:

— Папа, я вспомнил, на кого похож тот дедушка.

Отец вначале не понял:

— Какой?

— Как какой? Тот, что меня спас.

Саша повел папу в комнату бабушки. Там он взобрался на стул и показал пальчиком на старинную икону святителя Николая в скромном красном углу:

— Папа, это он!

Диакон Владимир Василик

СВЯТЫЕ КИРИЛЛ И МЕФОДИЙ В СУДЬБАХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ

Радуйтесь, Мефодие и Кирилле, язык словенских апостоли и богомудрии учителя

Некогда святой апостол Павел, простираясь с проповедью Евангелия из одной страны в другую, дошел до предела, который положила природа между двумя частями света – остановился в Троаде, на берегу пролива, отделяющего Азию от Европы. Здесь явился ему в сновидении один из жителей Европейского берега, македонянин, и звал апостола на помощь к себе в Македонию (Деян. 16:8-10). То была воля Божия даровать этому племени благо спасения. Апостол повиновался этому призыванию, и многими благодарными успехами сопровождался его проповедь в той стране. Церковь Филлиппийская и Церковь Солунская – образец всем верующим (Сол. 1:7), радость и венец апостола (Фил. 4:1) стоят перед нами в павловых писаниях вечными памятниками и свидетельствами его просветительской деятельности.

Прошли столетия, и наступила другая пора, когда славянские народы, только-только выходящие на сцену исторической жизни, стали нуждаться во вразумительной проповеди и национальном богослужении. И вот в 863 году в Константинополь прибыло посольство правителя Великой Моравии князя Ростислава, просившего прислать учителей для проповеди в недавно принявшей христианство стране. Византийский император решил отправить туда ученых монахов, знакомых с жизнью и нравами местного населения. И тогда-то Церковь Македонская представила славянам равноапостольных деятелей, в лице святых Кирилла и Мефодия, уроженцев Солунских.

Эти просветители стали составителями славянской грамоты. Новым письменам было вверено слово Евангельское, ими были переданы молитвы богослужения. И благодаря святым Кириллу и Мефодию, славяне стали слышать на родном языке слово Господа, и смогли также достойно поклониться Ему. Это есть две необходимые потребности благочестия, без удовлетворения которых нет живого христианства.

И как скоро явились слово Божие и литургия на славянском языке, то возникла необходимость в священниках-славянах. Следовательно, должна была родиться у славян своя священная иерархия – важное условие для процветания каждой Церкви в своем народе. И, действительно, первым делом просветителей стало приготовление из местных жителей достойных служителей алтаря Господня. Задуманное на таких широких и прочных основаниях просвещение славян не могло обойтись без училищ. И святые благовестники основывали их везде, где трудились. Эти училища удовлетворяли не только потребностям клира, но и способствовали появлению людей образованных, которые могли сами поработать на пользу новооснованной Церкви славянской. Одни переводили с греческого языка для назидания церковного и домашнего слова и жития святых; другие передавали догматические творения отцов и толкования на Священное Писание; иные сами брались изъяснять Писание и защищать истину Православия от еретиков. Замечательное обилие таких трудов в первое время славянской проповеди показывает как благотворна была деятельность наших просветителей. Какая это была высокая жизнь,

какая сильная и плодотворная деятельность!

На земле славянской возгорелся божественный огонь святой Христовой веры. И, если обратить внимание на первоначальные памятники древней славянской письменности, то видно как в них полагалось начало богословскому и философскому языку – основам того положительного знания, которым впоследствии так прославилась славянская ученость. Постепенно начинали выработываться теперь установившиеся термины для предметов отвлеченных, прежде принятия христианства славянам неизвестных. Это говорит о том, с каким вниманием и разборчивостью действовали просвещенные переводчики. Так в греческих произведениях нередко встречали они слово «божественный», относящееся к предметам и действиям не собственно Божиим. И чтобы не смешивать понятий в новопросвещенных христианах, они употребили прежде неизвестные слова «великий», «святый». Для обозначения добродетелей стали использовать «добровольство», «добронравие», «добрый нравъ», «доброта», полагая при этом, что сущность добродетели состоит не во внешней деятельности, а в благоустройстве воли и нрава.

Но святые просветители имели дело не только со школой, а прежде всего с народом: с ним-то они должны были говорить особым языком, чтобы действовать на него успешнее. Следует заметить, что святой Кирилл, прозванный за свою ученость Философом, особенно владел искусством излагать народу свои наставления наглядно, в притчах. Это мудрое подражание евангельскому способу учения, конечно, не утратило своего значения и в настоящее время, в приложении к народу, не привыкшему к отвлеченным умозрениям. Благодаря такому тесному сближению с людьми славянские просветители полностью овладевали его вниманием.

Но призванные трудиться для крещенных в веру Православную, святые Кирилл и Мефодий своей ревностью, своей проповедью, своим чинным богослужением привлекали к себе и множество неверующих во Христа славян. Многих из них крестили святые братья в Моравии и соседних с ней областях; святой Мефодий проповедовал Евангелие в земле Чешской и крестил святую княгиню Людмилу. Пример равноапостольных братьев, и труды их в переводе священных книг облегчили успехи проповеди христианства среди славян и в последующее время. Восточным и южным славянам не навязывалась латинская литургия, как это было со стороны немецких проповедников в Поморье. И везде, где разумно предлагалась проповедь на родном языке, славяне свободно покорялись христианству, принимая вместе с ним и письменность.

Пример славянских просветителей стал впоследствии живым предметом для подражания и у нас в России для распространителей Евангелия у инородцев. Так действовали святитель Стефан в Перми, преподобный Трифон Вятский и другие позднейшие благовестники среди якутов, монголов, алтайцев и т.д.

Вводя у славянских народов слово Божие и литургию на общепонятном языке, святые просветители Кирилл и Мефодий решили вопрос о нашем Православии и о будущем славянских народов. В те годы уже разгорался спор

между Восточной и Западной Церквями, возбужденный притязаниями властолюбия и своелюбия римских первосвященителей. Святой Кирилл был учеником блаженного Патриарха Фотия, вставшего на защиту Православия и Православной Восточной Церкви. Действуя на территории, независимой от Константинопольского Патриархата, но примыкающей к Римскому престолу, славянские просветители должны были соблюдать крайнюю осторожность, чтобы не вооружить против себя власть Рима в ущерб отеческому Православию. Свидетельство тому их великое исповедание веры. Этой твердостью они удержали в Православии просвещенные ими народы. А неразумное гонение, поднятое Римской Церковью против славянской литургии, еще более расположило славян бояться сближения с Западом и дорожить богомудрой свободой Православного Востока. Так святые просветители определили нашу историю, наше духовное наследие, наше спасение.

Как ни велико было дело изобретения славянской грамоты, как ни знаменательно для каждого народа начало его письменности – все это было воспринято еще и как мощнейшее орудие, получившее надлежательный смысл в великом торжестве устроенного просветителями предприятия. На этих могучих основах дело просвещения охватило тогда все славянство, и не в общих отвлеченных чертах, а в живых представителях тогдашнего славянского мира, в типичных и крупнейших его лицах. В ветви Болгарской, где зародилось, и где затем величественно расцвело это великое дело славянского просвещения, по Дунаю, где шли первоучители между славянскими поселениями; в Моравии, где они сосредоточили всю силу лучшей поры своей деятельности; в Словении, Чехии, Польше, куда по окраинам обширной Моравской державы быстро проникли лучи нового просвещения; в Сербии, спешившей присоединиться к общему делу,

и принявшей его под кров своего могущества из рук слабеющей Болгарии; и, наконец, на юге Руси. Именно там святой Кирилл посеял неумирающие семена своей проповеди в Херсоне, куда пришел потом князь Владимир Киевский, чтобы завоевать ключи этого новоявленного света. Именно оттуда пришли на Русь болгары с новой грамотой, новыми книгами и православным богослужением, славянским церковным пением, и откуда Нестор-летописец почерпнул горячо выраженное им убеждение, что при единстве грамоты, славяне есть один язык и народ, а Русь есть часть этого великого наследия и богатства.

Действительно и грамота, и вся письменность тогда возникшая, до сих пор заключают в себе черты истинного, действительного просвещения. Это просвещение стало источником и символом славянского единения. И все ветви славянства почувствовали свое общее, коренное единство племени, затем единство языка, выразившего собой единство народных стихий, и послужившее затем новым средством высшего, духовного единства. Все это совершилось при помощи грамоты, порожденной ею письменности и вызванного всем этим высокого творчества славянской культуры.

И тогда большая половина Европы от Царьграда по всей восточной половине Балканского полуострова, в обширном Болгарском государстве, по течению всего Дуная, в современной Венгрии, до окраин Польши, Чехии, Хорватии и Сербии, наконец, до Киева и Новгорода пробудилась в грандиозном историческом движении. Здесь к новой жизни призвались целые народные массы, обмениваясь посольствами и письмами друг с другом, налаживая различные культурные и торговые связи. Лучшие вожди народные, образованнейшие славянские умы того времени – все были соединены в общем деле; в трудах пребывали все правительства славянских народов, во главе деятельности – государи: Михаил

Греческий; Борис и Симеон Болгарские; Ростислав, Святополк Моравские; Владислав и Людмила Чешские; Российские Ольга, Владимир и Ярослав – какие великие имена, какая несравненная сила!

И в наши дни каждое новое разыскание о славном деле славянских просветителей, каждый новый труд по церковно-славянской грамматике или печатное издание памятника кирилловской письменности, проливают свет на современные славянские наречия, на судьбы славянской науки. Труды современных славистов, устремленные своим взором в ту далекую пору и эпоху, помогают понять пути развития современных славянских языков и всей славянской литературы. А сама история славянских народов уясняется тем более, чем ближе мы принаедем к их единому великому началу. И если осознание этого начала оказывает такое сильное влияние на современную славистику в науке и жизни, то, наоборот, каждое новое явление в жизни современного славянского мира пробуждает собой память о прошлом, дает повод лучше понимать его, ценить, исследовать и воссоздавать.

Понятно поэтому, что в наши дни дело святых равноапостольных Кирилла и Мефодия еще не кончено. Их проповедь вызвала к бытию самостоятельную славянскую иерархию, трудами их положены начала разработки богословской, исторической и филологической наук у славянских народов. А в современных условиях необходимо продолжение дальнейшего развития всего этого положительного знания. И много нужно еще ревности, много общих усилий, чтобы достойно продолжать дело святых просветителей.

Припоминается здесь предсмертное слово святого Кирилла. Застигнутый смертельной болезнью еще в расцвете лет, почти в самом начале своих трудов среди славян и в виду множества предстоявших работ, он трогательно прощался с братом, опасаясь, что у того родится намерение возвратиться к прежней иноческой жизни в монастыре. «Мы с тобою как два вола вели одну борозду. И я падаю на своей черте, день мой кончился. А ты не вздумай оставить труды учения, чтобы удалиться на свою гору. Нет здесь, среди славян, скорее ты можешь обрести спасение». Пусть это завещание святой ревности отзовется самым сильным возбуждением в душе каждого из призванных и вновь призываемых деятелей на поприще просвещения и учения.

И вот последнее воспоминание. Между древними молитвословиями церковнославянских книг сохранилось одно, «при начале учения», в котором иерей молится об отроке: «дай же ему, Господи, от Давидова разума, от Соломона премудрости, и от Кириллова хитрости. Дай же ему стоять с иереем и со всеми святыми Твоими». Для того-то испрашивается среди прочего хитрости, то есть остроты ума мудрого учителя славян Кирилла, чтобы постигающий новые знания мог с достоинством и на пользу применять их на благо себе самому и другим людям.

Да будет же это прошение постоянным желанием в умах и сердцах всех нас, призванных сохранить и преумножить славное наследие великих славянских учителей святых равноапостольных Кирилла и Мефодия.

Андрей Мельков

ХРОНИКА СЛУЖЕНИЙ ПРАВЯЩЕГО АРХИЕРЕЯ

С 3 по 20 мая Преосвященный архиепископ Абаканский и Хакасский Ионафан совершил следующие богослужения в Спасо-Преображенском кафедральном соборе:

3 мая, на сороковой день трагедии в Кемерово, — литию о жертвах пожара в домовом храме в честь Двенадцати апостолов при епархиальном Духовно-просветительском центре в Абакане.

5 мая, в субботу, — Божественную Литургию.

Вечером в этот день, накануне Недели 5-й по Пасхе, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов там же.

6 мая, в Неделю 5-ю по Пасхе, о самаряныне, и в праздник св. великомученика Георгия По-

бедоносца — Божественную Литургию в кафедральном соборе, а днем — чин освящения колоколов для возрождающегося Свято-Троицкого храма в селе Новомарьясово.

8 мая, в день памяти святого апостола и евангелиста Марка, — Божественную Литургию в домовом храме в честь Двенадцати апостолов при епархиальном Духовно-просветительском центре.

9 мая, в день 73-й годовщины Победы в Великой Отечественной войне, — Божественную Литургию, во время которой были возглашены благодарственная молитва и особые прошения о всех, погибших в годы войны.

12 мая, в субботу, — Божественную Литургию в кафедральном соборе.

Вечером в это день, накануне Недели 6-й по Пасхе, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов там же.

13 мая, в Неделю 5-ю по Пасхе, о слепом, и в день памяти св. апостола Иакова Зеведеева — Божественную Литургию в Михайло-Архангельском храме в поселке Шира.

15 мая, в день памяти святых благоверных князей и страстотерпцев Бориса и Глеба, — Божественная Литургия.

Вечером этого же дня, накануне Отдания Пасхи, — пасхальные вечерня и утрениа.

16 мая, в день Отдания Праздника Пасхи, — Божественная Литургия.

Вечером, накануне праздника Вознесения Господня, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов.

17 мая, в день праздника Вознесения Господня, — Божественная Литургия.

19 мая, в день 150-летнего юбилея со дня рождения святого страстотерпца царя Николая II, — Божественная Литургия.

Вечером того дня, накануне Недели 7-й по Пасхе, — Всенощное бдение с литией и освящением хлебов.

20 мая, в Неделю 7-ю по Пасхе, и в день памяти святых отцов I Вселенского Собора, — Божественная Литургия.

На берегу реки Енисей в районе села Советская Хакасия установлен поклонный крест

5 мая 2018 г. по благословению Преосвященного Ионафана, архиепископа Абаканского и Хакасского, настоятель Богородице-Рождественского храма в г. Черногорске иеромонах Палладий (Винников) совершил освящение поклонного креста, установленного на берегу р. Енисей в районе села Советская Хакасия в память о людях, погибших в реке на этом месте в результате несчастного случая.

В селе Новомарьясово освящены колокола для возрождающегося Свято-Троицкого храма

6 мая, в Неделю 5 по Пасхе, о самаряныне и в день памяти св. великомученика Георгия Победоносца, Преосвященный Ионафан, архиепископ Абаканский и Хакасский, совершил чин освящения колоколов для возрождающегося Свято-Троицкого храма села Новомарьясова. Во время чина освящения в храме молились благочинный Северного округа игумен Лазарь (Казанцев), священник Владимир Старшов, хор священнослужителей из кафедрального собора и многочисленные жители села и близлежащих селений. Радостное для сельчан событие почил своим присутствием и поздравительным словом глава Орджоникидзевского района А.В. Попков.

Пожертвования на приобретение освященных сегодня колоколов собирались в течении года. На воронежском предприятии «Вера» изготовлено 5 колоколов весом 5, 10, 25, 60 и 150 кг. Каждый колокол имеет надписи и изображения икон. В частности, колокол весом в 60 кг изготовлен на пожертвования семьи Н.И. Карпенко, жителя с. Новомарьясово, о чем и сделана соответствующая надпись. Остальные

колокола изготовлены на совместные пожертвования жителей села Новомарьясово, поселка Копьево и других ближайших поселений.

Напомним, в этом году исполняется 160 лет с начала строительства Свято-Троицкого храма. Он был закрыт и разорен во время гонений на Церковь, однако, несмотря на прошедшие годы запустения, сохранился и сейчас активно восстанавливается.

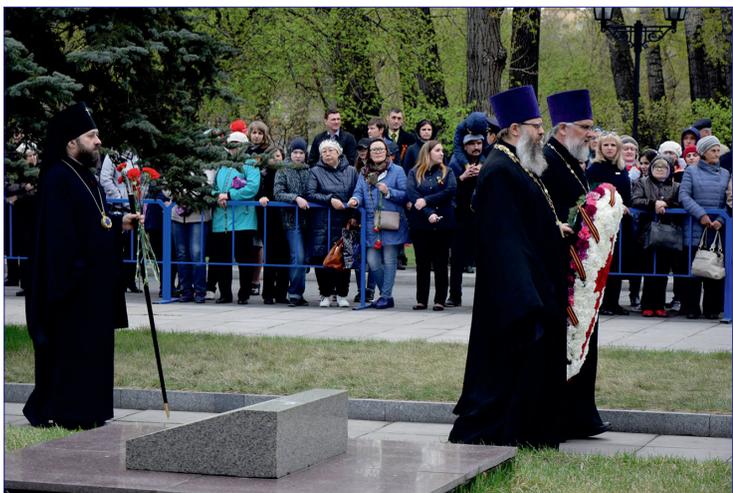
Управляющий епархией и священнослужители столицы Хакасии приняли участие в церемонии возложения цветов к Мемориалу воинской славы в парке Победы

8 мая 2018 года, накануне празднования Дня Победы, состоялось возложение венков к Мемориалу воинской славы в парке Победы в г. Абакане. От Абаканской епархии Русской Православной Церкви венок к памятнику воинам возложил Преосвященный Ионафан, архиепископ Абаканский и Хакасский и священнослужители столицы Хакасии.

У Вечного огня собрались ветераны Великой Отечественной войны, руководители министерств и ведомств, общественных организаций и жители Хакасии, чтобы выразить свою благодарность ветеранам, отстоявшим свободу и независимость нашей Родины и низко поклониться всем, кто не вернулся с войны.

Открыл церемонию глава Хакасии В.М. Зимин, который возложил венок к Мемориалу воинской славы. Также венки и цветы к Вечному огню возложили председатель Верховного Совета республики В.Н. Штыгашев, делегация совета ветеранов, глава Абакана Н.Г. Булакин, сотрудники силовых структур и военнослужащие.

Ритуал памяти завершился гимнами России и Хакасии в исполнении духового оркестра, а также традиционным орудийным залпом в память о погибших в годы Великой Отечественной войны.

Священник принял участие в автопробеге юнармейцев, посвященном Дню Победы

Торжественное мероприятие, посвященное 73-й годовщине Победы в Великой Отечественной войне и 75-летию Победы в Сталинградской битве и прошедшее в парке Победы республиканской столицы, послужило началом традиционного автопробега юнармейцев Хакасии.

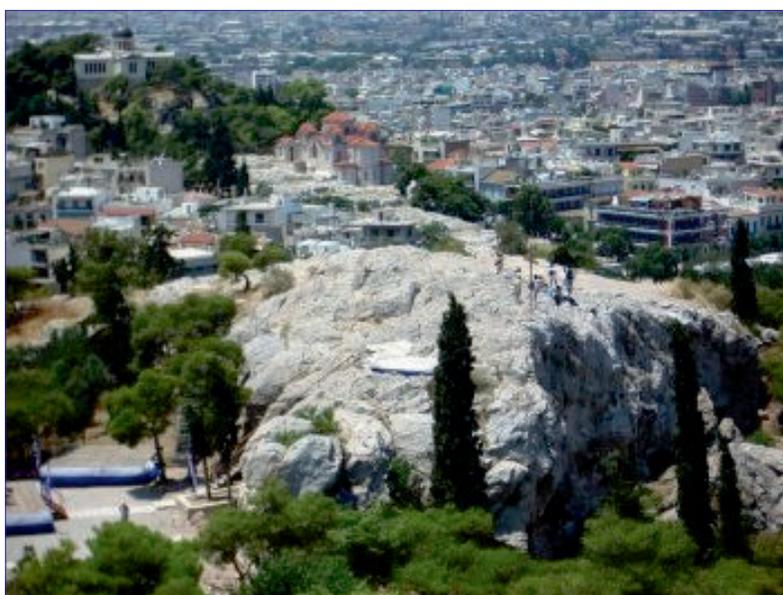
В этом автопробеге принял участие, по благословению Правящего архиепископа, помощник командира Отдельной железнодорожной Познанской Краснознаменной бригады по работе с верующими военнослужащими протоиерей Александр Ильин.

За три дня 47 юных патриотов и военнослужащих побывали в Черногорске, Бограде, Усть-Абакане, Белом Яре, Шира, Бее, Аскизе, Таштыпе и Абазе, пройдя в автоколонне более тысячи километров.

Жаркий полдень в Афинах. Печет нещадное солнце. Но очень хочется увидеть знаменитый Парфенон — его величественные развалины на обложке учебника истории помнишь с детства. Нам трудно понять, как можно было жить при такой жаре, и не только жить, но и размышлять, спорить, философствовать. Ведь Афины были городом философов. И именно к этим искушенным мудрецам когда-то пришел странный человек из Средиземноморья, чтобы рассеять их печаль и помочь им главную проблему человечества.

Платон и Аристотель ходили по этим улицам, на афинской Агоре странный мудрец Сократ учил верить в Единого Бога, Которого не называл по имени. За это и поплатился, испив чашу с ядом: стремление к мудрости у жителей Афин причудливо сочеталось с дикими суевериями и неистовым идолопоклонством.

Вот как характеризует античный психолог Феофраст типичного суеверного афинянина: «В праздник Кружек он вымоет руки, окропит себя со всех сторон священной водой и ходит целый день с лавровым листом во рту. Перебежит ему путь хорек — он

АПОСТОЛ ПАВЕЛ В АРЕОПАГЕ

Проповедь Апостола Павла на греческом языке — плита у подножия Ареопага

прирастет к месту, пока не пройдет кто-либо другой или пока он сам не бросит через дорогу трех камней. Проходя мимо стоящих на перекрестке изваяний богов, он возливает на них масло из своего сосуда, опускается на колени и лишь после этого благоговейно удаляется. Прогрызет у негомышь добрый мешок — он отправляется к прорицателю с вопросом, как ему быть. Посоветует тот починить мешок, он его послушается, а вернется домой — принесет умиловительную жертву. Он не сядет на могилу, не приблизится к трупу или роженице. „Как бы не оскверниться“, — думает он. Привидится ему сон, он побывает у толкователя снов, у предсказателя, у птицегадателя, чтобы получить совет, какому богу или богине вознести молитвы. Если он увидит в толпе человека с чесночным венком, он омоет голову и

пригласит жриц произвести очищение морским луком и кровью щенка, приметит сумасшедшего или припадочного — начнет плевать себе на грудь».

Как это ни удивительно, но именно в этом окружении странные чудачки говорили о Едином Боге, но говорили для избранных интеллектуалов, тех, кто мог это понять: «Отца и Творца всего найти трудно, а найдя, невозможно сказать о Нем». Клуб афинских интеллектуалов располагался тут же у Парфенона и назывался Ареопаг («Холм Ареса»). Когда-то на Ареопаге собирался совет старейшин, которые вершили суд. В I в. по Р.Х. у старейшин Ареопага еще сохранялась какая-то власть, но чаще всего там собирались теперь порасуждать о высоких материях. Время платоновской и перипатетической философии ушло: теперь тут собирались стоики, верившие в бога-судьбу, и безбожники-эпикурейцы. Собирались, видимо, для того, чтобы в очередной раз устроить интеллектуальный спор, подобный тому, какой и сейчас ведут эволюционисты-креационисты, только теперь они делают это в интернете на многочисленных форумах.

И вот, я гляжу с раскаленного летним солнцем Парфенона вниз и вижу большую каменную скалу внизу, и сердце моё сжалось: неужели это он? Потихоньку отделившись от своей экскурсионной группы, спускаюсь по Пропилеям, и вот я у цели. На холм ведет лестница явно не античных времен. Поднимаюсь — и чуть не падаю. Неровная скала до блеска отполирована, только небольшая часть древней ровной плиты осталась от того помоста, на который когда-то взошел бодрыми

пружинистыми шагами странный человек из беспокойного племени в Средиземноморье, того племени, что не просто размышляло о Едином Боге, но вера в Которого составляла самое существо их жизни.

Собравшиеся там стоические и эпикурейские философы считали себя умнейшими людьми своего времени. Шутка ли, завоеватели Греции римляне сами оказались завоеванными их мудростью. Бородатых греков в плащах философов охотно принимали в учителя своим отпрыскам знатнейшие патриции Рима, говорить и писать по-гречески было так же модно, как сейчас говорить по-английски. Стоиками были Сенека и Марк Аврелий. Тит Лукреций Кар переложил латинским стихом размышления своего учителя Эпикура. Трудно, наверное, свести вместе для спора более противоположные мировоззрения. Стоики учили о том, что миром правит Огненный Разум (Логос), да и весь мир есть как бы остывший Разум, когда Разум вновь разгорится — весь мир погибнет в огне, чтобы потом вновь появиться в новом цикле остывания. Эпикурейцы же считали, что весь мир покоится в лоне Бессмысленности: мириады мельчайших атомов закручивает Вселенский Вихрь и, сталкиваясь между собою, атомы образуют причудливый порядок, подобно тому как мельчайшие льдинки слепляются в красивые снежинки и падают на землю. Так и мир, подобно грандиозному снегопаду, летит и таит, вновь и вновь создавая случайные фигуры: порядок из хаоса.

Эти две точки зрения, как видим, ведут свой нескончаемый спор в нашем мире. По сути, мы продолжаем ареопагический спор до настоящего времени: Вселенский Разум или Хаос правит мирозданием? Как же найти ответ на этот вопрос? Если при-

знать разумное начало в мироздании, то как понять ту бездну зла, которая царит в мире, как понять, откуда зло в самом человеке? Если же порядок в мире возник из хаоса, то каков смысл бытия? Зачем мы живем? В чем смысл человеческой жизни? Главная проблема, которая жадной поступью наступает на все наши разумные доводы, — это смерть. Может быть, мировой порядок и разумен, но что нам до него, если нас ждет небытие? Эпикурейцы и стоики решали эту проблему совершенно по-разному. Для эпикурейцев смерть — это конец всего, а значит, страхов, страданий и самой жизни. А значит, бояться ее не нужно: «Ясно, что нам ничего не может быть страшного в смерти... никаких ощущений со смертью не будет» (Тит Лукреций

что в нем, Он, будучи Господом неба и земли, не в рукотворенных храмах живет и не требует служения рук человеческих, [как бы] имеющий в чем-либо нужду, Сам давая всему жизнь и дыхание и все. От одной крови Он произвел весь род человеческий для обитания по всему лицу земли, назначив предопределенные времена и пределы их обитанию, дабы они искали Бога, не ощутив ли Его и не найдут ли, хотя Он и недалеко от каждого из нас: ибо мы Им живем и движемся и существуем, как и некоторые из ваших стихотворцев говорили: „мы Его и род“. Итак мы, будучи родом Божиим, не должны думать, что Божество подобно золоту, или серебру, или камню, получившему образ от искусства и вымысла человеческого» (Деян. 17:24-29).

Собравшиеся вокруг философы согласно кивают. И в «неведомого Бога» они готовы поверить. Но как поверить в весть, которая молнией ворвалась под своды ареопага? «Христос воскрес», а значит, все люди воскреснут для Вечной Жизни с Богом: «Итак, оставляя времена неведения, Бог ныне повелевает людям всем повсюду покаяться, ибо Он назначил день, в который будет праведно судить вселенную, посредством предопределенного Им Мужа, подав удостоверение всем, воскресив Его из мертвых» (Деян. 17:30-31). Какое странное слово для мудрости века сего: «Услышав о воскресении мертвых, одни насмеялись, а другие говорили: об этом послушаем тебя в другое время».

Так мудрость человеческая отвернулась от премудрости Божией.

Давно разрушены стены и крыша Ареопага, стерлись плиты, на которых античные мудрецы

Кар. О природе вещей).

Для стоиков смерть — это волеизъявление освобождение души от оков тела, когда душа мудреца сливается с мировым единством. Человеческая индивидуальность гибнет, но мудрость в том, чтобы не бояться предначертанного судьбой.

Стоики и эпикурейцы, собравшиеся в Ареопаге, в античном мире олицетворяли печаль Экклесиаста: «участь сынов человеческих и участь животных — участь одна: как те умирают, так умирают

Фрагмент плиты Ареопага

и эти, и одно дыхание у всех, и нет у человека преимущества перед скотом, потому что все — суета!» (Еккл. 3:19).

По сути, греческие мудрецы смирялись со смертью и предлагали найти в философии утешение перед неизбежным ее торжеством.

И вот, пружинистым шагом по ступенькам ареопага поднимается человек, готовый рассеять эту неизбывную печать бытия. Он начинает с понятных этим искушенным мудрецам слов:

«Бог, сотворивший мир и все,

старались решить главную загадку бытия.

Я поднял глаза от маленького кусочка последней плиты, на которой стояли философы и слушали Апостола Павла. Передо мной возвышался Крест Христов как вечный символ победы жизни над смертью, как безмолвный победный ответ мудрецам и современникам века сего (1 Кор. 1:20). На голубом небе сияло яркое солнце.

**Протоиерей
Димитрий Цыплаков**

Заседание Священного Синода прошло в Санкт-Петербурге

В историческом здании Святейшего Правительствующего Синода 14 мая под председательством Предстоятеля Русской Православной Церкви прошло заседание Священного Синода.

Было рассмотрено 26 вопросов внутрицерковной жизни, взаимоотношений Церкви и общества, межправославных и межрелигиозных отношений.

В день Крещения Руси, 28 июля, будет отмечаться 1030-летие этого события. Решено провести в митрополиях и епархиях тематические праздничные конференции, концерты, выставки. Епархиальным архиереям надлежит совершить в кафедральных городах торжественные богослужения. В Москве будет создан оргкомитет под пред-

седательством управляющего делами Московской Патриархии митрополита Санкт-Петербургского и Ладоского Варсонофия.

В связи с кончиной митрополита Таллинского и всея Эстонии Корнилия Синод Эстонской Православной Церкви представил две кандидатуры на место ее Предстоятеля: архиепископа Вереяского Евгения, председателя учебного комитета, и епископа Нарвского и Причудского Лазаря. Синод утвердил в качестве кандидатов обоих. Собор, который будет принимать решение, созывается 29 мая.

Имена древних святых включены в месяцеслов: трое святых подвизались в западных странах и двое - в Грузинской Церкви.

Меня попросили рассказать вам, во что верят христиане. Я начну с рассказа о том, во что им не нужно верить. Если вы христианин, вы не обязаны верить, что все остальные религии неверны от начала до конца. Если вы атеист, вам приходится верить, что в основе всех религий мира кроется одна гигантская ошибка. Если вы христианин, вы свободны думать, что все религии, в том числе самые странные, содержат хотя бы крупицу истины. Когда я был атеистом, я пытался убедить себя, что человечество в большинстве своем всегда заблуждалось в вопросе, который имеет для него наиважнейшее значение; став христианином, я обрел способность взглянуть на вещи с более либеральной точки зрения. Но безусловно, быть христианином – значит не сомневаться, что всюду, где христианство расходит во взглядах с другими религиями, христианство право, а другие религии ошибаются. Как в арифметике: возможен лишь один правильный ответ на задачу, все остальные – неверны; но некоторые из неверных ответов ближе к верному, чем другие.

Человечество делится на две основные группы: на большинство, которое верит в какого-то Бога или богов, и на меньшинство, которое не верит в Бога вообще. Христианство, естественно, относится к большинству – оно в одном лагере с древними римлянами, современными дикарями, стоиками, платониками, индусами, магометанами и т. п., против современного западноевропейского материализма.

Но существует разделение между людьми, верующими в Бога. К нему я перехожу теперь. Сводится оно к тому, в каких богов люди верят. И здесь – два очень разных подхода. Одни полагают, что Бог стоит над добром и злом. Мы, люди, называем одну вещь хорошей, а другую – плохой. Но, по мнению некоторых, понятие «хорошего и плохого» существует только с нашей, человеческой, точки зрения. Такие люди говорят: по мере того, как вы возрастаете в мудрости, у вас все меньше и меньше желания называть что-то плохим или хорошим; вы видите, что все имеет хорошие и плохие стороны, и ничего тут нельзя изменить. В результате эти люди полагают, что задолго до того, как вы подойдете к божественной точке зрения, всякое различие между понятиями добра и зла исчезнет без следа. Мы называем рак злом, говорят они, потому что он убивает человека; но с таким же успехом можно назвать злом успешное вмешательство хирурга, потому что он убивает рак. Все зависит от точки зрения.

Другая, противоположная, точка зрения состоит в том, что Бог, совершенно определенно, – добрый и праведный, что Ему безразлично, какую сторону принять, что Он любит любовь и ненавидит ненависть и хочет, чтобы мы вели себя так, а не иначе. Первое из этих двух представлений – Бог пребывает за пределами добра и зла – называется пантеизмом. Эту идею разделял великий прусский философ Гегель; ее разделяют, насколько я понимаю, индусы. Противоположный взгляд на Бога присущ евреям, магометанам, христианам.

За этим различием в представлениях о Боге между пантеизмом и христианством следует обычно другое. Пантеисты, как правило, верят, что Бог, так сказать, одушевляет Вселенную, как вы одушевляете свое тело; что Вселенная и есть почти то же самое, что Бог, и поэтому, если бы она не существовала, Он бы тоже не существовал, и все, что находится во Вселенной, — часть Бога. Христианство придерживается совершенно другой идеи. Христиане считают, что Бог задумал и создал Вселенную, как человек создает картину или мелодию. Картина – не то же самое, что художник, и художник не умрет, если его картины уничтожить. Вы можете сказать: «Он вложил часть самого себя в эту картину», но, говоря так, вы лишь подразумеваете, что вся красота и смысл этого произведения зародились у него в голове. Его мастерство, отразившееся в картине, не принадлежит ей в той же степени, в какой оно присуще его голове и рукам.

Я надеюсь, вы теперь видите, как одно различие между пантеизмом и христианством неизбежно влечет за собой другое. Если вы не принимаете всерьез различия между добром и злом, то очень легко придете к выводу, что все во Вселенной – часть Бога. Если же вы считаете, что некоторые дела и вещи действительно плохи, между тем как Бог плохим быть не может, подобная точка зрения неприемлема для вас. В таком случае вы должны верить, что Бог и мир – не одно и то же. Некоторые вещи, наблюдаемые нами в мире, противоречат Его воле. По поводу рака или трусоб пантеист может сказать: «Если бы вы могли видеть с Божественной точки зрения, вы бы поняли, что и это – Бог». Христианство ответит: «Что за мерзкая чушь!». Ведь христианство – религия воинствующая. Христианство считает, что Бог сотворил мир – пространство и время, жар и холод, все цвета и все вкусовые ощущения, всех животных и все растения – и все это Бог придумал, как писатель придумывает сюжет. Но христианство, кроме того, считает: очень многое из того, что Бог сотворил, свернуло с пути, Богом предназначенного, и Бог

настаивает, и настаивает очень решительно, чтобы именно мы вернули заблудшее на правильный путь.

Конечно, это влечет за собой очень серьезный вопрос. Если мир действительно сотворен добрым, справедливым Богом, почему он свернул на неправильный путь? Много лет я просто отказывался слушать, что отвечали христиане, потому что рассуждал так: «Что бы вы ни говорили, к каким бы аргументам ни прибегали, не проще и не легче ли просто признать, что мир не создан разумной силой? А может, все ваши аргументы – просто сложная попытка уйти от очевидного?» И тут я столкнулся с другой трудностью.

Мой аргумент против существования Бога сводился к тому, что Вселенная мне казалась слишком жестокой и несправедливой. Однако как пришла мне в голову сама идея справедливости и несправедливости? Человек не станет называть линию кривой, если не имеет представления о прямой линии. С чем сравнивал я Вселенную, когда называл ее несправедливой? Если все на свете, от «А» до «Я», плохо и бессмысленно, то почему я сам, частица этого

ВО ЧТО ВЕРЯТ ХРИСТИАНЕ

«всего», с такой страстью возмущаюсь? Человек чувствует себя мокрым, когда падает в воду, потому что человек не водяное животное: рыба не чувствует себя мокрой. Я, конечно, мог бы отказаться от объективной значимости моего чувства справедливости, сказав себе, что это – лишь мое чувство. Но если бы я сделал так, рухнул бы и мой аргумент против Бога, потому что аргумент этот зиждется на том, что мир на самом деле несправедлив, а не с моей точки зрения.

Таким образом, сама попытка доказать, что Бога нет – иными словами, что вся объективная реальность лишена смысла, — вынуждала меня допустить, что, по крайней мере, какая-то часть объективной реальности, моя идея справедливости, смысл имеет. Следовательно, атеизм оборачивается крайне примитивной идеей. Ведь если бы Вселенная не имела смысла, мы бы никогда не смогли обнаружить, что она не имеет смысла; точно так, как если бы во Вселенной не было света и, следовательно, не было бы существ с глазами, мы бы никогда не обнаружили, что нас окружает тьма.

Я укажу вам и на другую примитивную идею. Я называю ее «христианством, разведенным в водичке». Согласно этой идее, на небе живет хороший, добрый Бог и все идет как надо. Всем трудным и пугающим доктринам о грехе и аде, о дьяволе и искушении просто не придается значения.

Искать простую религию – бессмысленно. В конце концов, реальных вещей, которые были бы просты, нет. Иногда они выглядят простыми – например, стол, за которым я сижу; но спросите ученого, из чего этот стол сделан, – обо всех этих атомах, о световых волнах, которые отражаются от них и ударяют в мой глаз, воздействуя на мой оптический нерв, и как это воздействует на мой мозг. Тогда вы увидите, что процесс, который мы описываем в двух словах – «видеть стол», представляет из себя сплетение таинственных и сложных явлений, сложных настолько, что вы едва ли когда-нибудь сможете проникнуть в них до конца. Когда ребенок произносит молитву, это выглядит очень просто. Если вас это вполне удовлетворяет и вы готовы поставить на этом точку, – прекрасно. Однако, если вы не можете на этом остановиться – а современный мир обычно ни на чем или перед чем не останавливается так легко, – если вы желаете продолжать и спрашиваете, что же происходит на самом деле, приготовьтесь к трудностям. Если мы ищем чего-то большего, чем предельно простое, глупо жаловаться, что «больше» – не просто.

Очень часто, однако, в такие глупые рассуждения пускаются совсем неглупые люди из желания, сознательно или бессознательно, подорвать христианство. Обычно они берут одну из версий христианства, рассчитанную на шестилетнего ребенка, и нападают на нее. Когда же вы стараетесь разяснить им христианскую доктрину в том ее виде, в каком исповедуют ее образованные взрослые люди, они начинают жаловаться, что от вас голова идет кругом, что все это слишком сложно и, если бы Бог действительно существовал, Он сделал бы религию «простой», потому что простота так прекрасна.

С такими людьми следует быть настороже, они каждую минуту меняют тему и лишь отнимают у вас время. Обратите внимание на идею, что «Бог сделал бы религию простой», как будто

религия – это что-то такое, что Бог изобрел, а не Его откровение нам о совершенно неизменных фактах и о Его собственной природе.

Объективная реальность отличается не только сложностью; она, по моим наблюдениям, нередко выглядит странно. Она какая-то нескладная, неясная, словом – не такая, как нам хотелось бы. Например, когда вы постигли идею, что Земля и другие планеты вращаются вокруг Солнца, у вас, естественно, возникает предположение, что все планеты созданы по тому же принципу: на равном расстоянии друг от друга, к примеру, или на расстоянии, равномерно увеличивающемся: или что все они одинакового размера, либо увеличиваются или уменьшаются по мере удаления от Солнца. В действительности же вы не находите ни ритма, ни смысла (понятного вам) ни в размерах планет, ни в расстояниях между ними; у некоторых из них – по одному спутнику, у одной – четыре, у другой – два, у некоторых – ни одного, а одна из планет окружена кольцом.

Итак, объективная реальность таит в себе загадки, разгадать которые мы не в силах. Вот

одна из причин, почему я пришел к христианству. Это религия, которую вы не могли бы придумать. Если бы христианство предлагало вам такое объяснение Вселенной, какого мы всегда ожидали, я бы посчитал, что мы сами изобрели его. Но, право же, непохожа эта религия на что-то изобретенное. Христианству свойствен тот странный изгиб, который характерен для реальных, объективно существующих вещей. Так что отрешимся от детской философии, от этого пристрастия к слишком простым ответам. Проблема, с которой мы имеем дело, не проста, и ждать простого ответа не приходится.

В чем же состоит эта проблема? Очевидно, в том, что во Вселенной много явно плохого и бессмысленного, но при этом в ней имеются существа, мы сами, которые знают об этом. Известны лишь две точки зрения на совокупность этих фактов. Одна из них – христианская – говорит, что это хороший мир, сбившийся на неверный путь, однако сохраняющий в памяти тот путь, каким он должен был идти. Вторая точка зрения – так называемый дуализм – предполагает, что за всем происходящим в мире стоят две равноценные и независимые силы – добро и зло, и наша Вселенная – поле битвы, на котором они ведут нескончаемую войну. Я лично считаю, что, после христианства, дуализм – наиболее человеческая и разумная гипотеза. Но в ней есть одно слабое место.

Эти две силы, или два духа, или два бога – добрый и злой – абсолютно независимы. Оба они существуют в вечности. Ни один из них не создавал другого, ни один не имеет преимущественного права называться Богом. Каждый из них, очевидно, считает себя хорошим, а другого плохим. Один любит ненависть и жестокость, другой – любовь и милосердие, и каждый держится своей точки зрения. Что же имеем в виду мы, когда называем одного из них силою добра, а другого силою зла? Мы либо говорим этим, что почему-то предпочитаем одну из этих сил другой – как можем, например, предпочитать пиво сидру, либо подразумеваем, что, независимо от того, что эти силы думают о себе или что мы, люди, думаем о них, одна из них действительно неверна и несомненно ошибается, принимая себя за добро. Если мы имеем в виду, что первая сила нам просто больше по вкусу, то мы вообще должны отказаться от разговора о добре и зле. Ибо «добро» означает нечто такое, чему мы должны отдавать предпочтение, независимо от того, что нравится нам. Если бы «добро» было добром только потому, что нам вздумалось принять его сторону, оно не заслужило бы своего названия. Так что мы должны признать, что одна из этих двух сил – объективное «зло», а другая – объективное «добро».

Однако в тот самый момент, когда вы признаете это, вы добавляете к двум силам, действующим во Вселенной, третью – какой-то закон, или стандарт, или правило добра, с которым одна из них согласуется, а другая – нет. Но поскольку обе силы судятся им, то этот стандарт, или Существо, установившее его, оказывается вне наших двух сил и гораздо выше их обеих. Вот этот-то закон, или Существо, и будет истинным, настоящим Богом. Фактически, называя силы, о которых идет речь, добром и злом, мы имеем в виду, что одна из них в правильных отношениях с истинным, высшим Божеством, а другая противится Ему. К этому же можно прийти и другим путем. Если дуализм верен, сила зла любит зло как таковое. Но мы не

знаем никого, кто любил бы зло просто за то, что оно зло. На практике мы ближе всего подходим к силе зла в чистом виде, когда сталкиваемся с жестокостью. Люди проявляют жестокость по двум причинам: либо оттого, что они садисты, то есть в силу своей извращенности получают чувственное удовольствие от жестокости, либо потому, что ценой проявленной жестокости они надеются получить желаемое – деньги, власть, безопасность. Но деньги, удовольствие, власть, безопасность – сами по себе вещи хорошие. Зло начинается тогда, когда люди стараются приобрести их, прибегая к неправильным методам, к нечестному пути, либо – в чрезмерном количестве.

Люди, поступающие так, крайне испорчены. Но не об этом речь. Я хочу сказать, что зло, если вы пристальнее всмотритесь в него, почти всегда окажется дурным путем к добрым целям. Вы можете быть хорошим ради самого добра; но не можете быть злым ради самого зла. Вы способны совершить хороший поступок и тогда, когда не испытываете прилива доброты, когда этот поступок не доставляет вам удовольствия, просто по той причине, что делать добро – правильно. Но никто еще не совершал жестокого поступка только потому, что жестокость – это что-то неправильное. Люди бывают жестоки лишь тогда, когда это приносит им удовольствие или пользу. Иными словами, зло не может преуспевать от того, что оно зло, тогда как добро может преуспевать лишь в силу того, что оно добро. Добро, так сказать, вещь в себе, оно существует само по себе, тогда как зло представляет из себя испорченное добро. Прежде чем стать плохим, надо быть хорошим.

Мы называем садизм половым извращением; но прежде чем стать сексуально извращенным, вы должны получить представление о нормальном половом влечении; распознать извращение вы можете потому, что в состоянии объяснить его, исходя из нормы; а вот объяснить нормальное, исходя из извращенного, вы не можете. Из этого следует, что представление о силе зла, которая равна силе добра и любит зло в такой же степени, в какой сила добра любит добро, — не более как мираж. Чтобы силе зла стать скверной, ей необходимо сначала пожелать хорошего, а затем устремиться к нему неверными путями; ей надо ошутить побуждения, добрые в своей основе, чтобы иметь возможность извратить их. Но и стремление к добру, и добрые импульсы, которые она могла бы извратить, сила зла получит лишь от силы добра. А если так, то сила зла не может быть ни от чего не зависимой. Она – часть мира, в котором царит сила добра, и сотворена либо этой силой, либо какой-то другой, стоящей над ними обеими.

Я готов признать, что истинное христианство (в отличие от христианства, разбавленного водичкой) гораздо ближе к дуализму, чем думают. Когда я впервые всерьез прочитал Новый завет, меня особенно поразила одна вещь – а именно то, что там так много говорится о силе тьмы во Вселенной, о могучем злом духе, который стоит за смертью, болезнью и грехом. Однако по мнению христианства (в отличие от дуализма) эта сила тьмы создана Богом и вначале была доброй, лишь потом стала она на неверный путь.

Христианство согласно с дуализмом, что Вселенная в состоянии войны. Но оно не считает, что это – война между зависимыми силами. Христианство утверждает, что это гражданская война, мятеж, и мы с вами живем в той части Вселенной, которая оккупирована мятежниками.

Оккупированная территория – вот что такое этот мир. А христианство – рассказ о том, как на эту территорию сошел праведный царь, сошел, можно сказать, инкогнито, и призвал нас к саботажу. Когда вы идете в церковь, вы на самом деле принимаете секретные сообщения по радиопередатчику от своих друзей. Вот почему враг так настойчиво старается помешать посещению церкви. Он играет на нашем самомнении, лени, интеллектуальном снобизме. Кто-нибудь, возможно, спросит меня: «Не хотите ли вы в наше просвещенное время представить нам старого приятеля, дьявола, с рогами, копытами и всем прочим?» Я не знаю, при чем тут просвещенное время, и меня не особенно интересует такая деталь, как рога и копыта. Но в остальном я ответил бы: «Да, именно это я собираюсь сделать». Я не утверждаю, что мне что-либо известно о его внешности. Если кто-то действительно желает узнать его получше, такому человеку я скажу: «Не беспокойтесь. Если вы в самом деле хотите познакомиться с ним поближе, то непременно познакомьтесь. Понравится ли вам это – другой вопрос».

Клайв Льюис

БРАК И СЕМЬЯ

РАЗМЫШЛЕНИЯ О МОНАШЕСТВЕ И БРАКЕ С БИБЛИЕЙ В РУКАХ

Брак и монашество – это две дороги, по которым обычно идут через жизнь верующие люди. Но при этом наблюдается такой стереотип: монашество считают несомненно духовным путем, служением и посвящением себя Богу, а брак воспринимается как облегченный вариант для тех, кто «не может вместить» высокого монашеского пути. Тем не менее, христианин не может упускать из виду, что какой бы путь он ни выбрал – семейный или монашеский – это должен быть для него путь спасения. Эта статья – просто попытка понимания, адресованная самому себе. Причем попытка заведомо небезошибочная. И поскольку мне нечем руководствоваться, кроме как Священным Писанием и Преданием (вернее, той ничтожно малой частью его, которая мне известна), то эти два источника я и беру за отправную точку своих рассуждений.

Вся трагедия и слава нашего человеческого существования сохранилась, как в семечке, в том космическом событии, которое описано в первых главах Книги Бытия. Я имею в виду сотворение и затем грехопадение человека. Оба пути спасения: монашество, как общение и единение с Богом, и брак, как взаимное общение и единство двух людей – уходят своими корнями туда.

Если человек создан по образу Святой Троицы – значит, весь человеческий род или, как говорил старец Софроний (Сахаров), «весь Адам» призван к единству. Подобно тому единству, которое царит в недрах Святой Троицы между Ее Божественными Лицами. Не случайно библейский текст подчеркивает: «по образу Своему, по образу Божию; мужчину и женщину сотворил их». То есть мужчина и женщина изначально созданы как единство. Если наши богослужебные тексты прославляют «Троицу во Единстве», то в данном случае, применительно к мужчине и женщине до грехопадения, мы могли бы сказать: они – «двоица во единстве». Даже с физиологической точки зрения это так: ведь Ева, согласно Библии, создана из ребра Адама и таким образом является его частью. Оригинальный текст Книги Бытия подчеркивает это.

Что поражает в этом тексте: у человека, Адама, было, казалось, все. Господь, создавший его, все благая, животные и птицы... но чего-то не хватало. «Помощника, подобного ему», с кем можно было бы разделять труды по возделыванию рая, с которым было бы абсолютное понимание и общение **на равных**. Удивительно, как бережен и чуток Бог по отношению к Адаму. Создается впечатление, что Господь, создав мир и человека, как бы почувствовал его нужду в помощнике. Так, в первой главе Книги Бытия Бог словно оценивает, любит своим творением: «и увидел Бог, что это хорошо»; а здесь Творец, обзревая все Им созданное, вдруг понимает: что-то не завершено, *не совершенно*. Конечно, не следует понимать это буквально. Бог всеведущ и с самого начала знал, «что хотел сделать» (ср. Ин. 6:6). Но Библия использует антропоморфизмы, говорит о чувствах Бога и Его решениях, чтобы сделать их более понятными для человека, живущего во времени и не обладающего полнотой познания.

Можно спросить: почему Бог не создал сразу мужчину и женщину? Ведь во многих древних мифах о творении, напоминающих библейский рассказ, так и происходит. Например, согласно мифологии майя, боги вылепили первых людей – мужчин и женщин – из глины. Потом оказалось, что люди грешат, не очень-то почитают богов, и те решают уничтожить их и создать новое человечество... Почти что библейские мотивы – но только приземленные. И сравнение с Писанием ярко показывает это. Очевидно, по какой-то причине **Бог захотел, чтобы человек сам почувствовал свою нужду в помощнике**. Для чего это было нужно? Поделюсь своей версией.

Во второй главе Книги Бытия мы видим, как Бог вовлекает человека в творческий процесс совершен-

ствования мира. Закрепляя за всеми животными те имена, которые нареки им Адам, Господь делает человека Своим со-творцом, и теперь на всем видимом мире лежит отпечаток этого совместного творчества. Но не только в этом дело. На библейском языке назвать кого-то по имени – значит познать его, **войти в соприкосновение с его сущностью**. Мы это видим дальше во всем Писании. Так, назвать по имени Бога – страшно, ведь это означает прикоснуться, в той или иной мере приобщиться Ему, а после грехопадения такое соприкосновение с абсолютной святостью грозит испепелить падшую природу человека.

Человек – единственное существо на земле, стремящееся к познанию: Бога, сотворенного Им мира и самого себя. Называя по имени животных и птиц, Адам до конца познает их сущность и тем самым входит в то владычество над ними, которое заповедал Бог (Быт. 1:28). **Называя по имени жену, Адам познает самого себя**. Он узнает себя в ней, как в зеркале («вот кость от костей моих и плоть от плоти моей»). Он видит **иную**, которая в то же время является частью его самого, и своим существованием восполняет его неполноту. Не случайно много позднее Апостол напишет: «любящий свою жену любит самого себя» (Еф. 5:28). Если бы не Ева, Адам никогда бы не смог познать себя и свое место в мире. Причем такое познание лишено эгоизма: это не заикленность на себе, а достижение большей полноты в совместной жизни с другим. Разве мы не видим этого и сейчас в настоящих, крепких супружеских парах – пусть и не в совершенстве, в условной искаженной грехом человеческой природы, через трудности и падения?

Есть в библейском тексте и еще одна важная деталь. Бог решает создать человека по **образу и подобию** Своему: это – замысел. Но пока еще он не находит совершенного воплощения, т.к. затем подчеркивается, что Бог сотворил человека «по образу Своему, по образу Божию»; о подобии уже ничего не говорится. Православное богословие объясняет это так: образ – дан, подобие – задано. Чтобы стяжать это подобие, стать подобными Богу, нужны еще и собственные усилия в сочетании с благодатью Божией.

Что же случилось дальше? Единство было разбито грехопадением. Нарушилось, прежде всего, общение человека с Богом (не случайно Адам после совершенного греха боится показаться Богу на глаза), и, как следствие, было расколото то единство, которое существовало между мужчиной и женщиной.

«И открылись глаза у них обоих, и узнали они, что наги, и сшили смоковные листья, и сделали себе опоясания. И услышали голос Господа Бога, ходящего в раю во время прохлады дня; и скрылся Адам и жена его от лица Господа Бога между деревьями рая» (Быт. 3:7-8). Вот – предел греха: падшие Адам и Ева скрываются друг от друга и от Бога. Больше нет той первозданной чистоты и невинности, которая позволяла им без смущения и страха смотреть в глаза Богу и друг другу. Инаковость другого, которая раньше обогащала (ведь этот другой – все же часть меня!), теперь становится источником разделения, вызывает страх, настороженность, неприятие, гнев. К чему это может приводить – мы видим на примере Каина и Авеля и всей дальнейшей мировой истории.

Но разделился не только человек с человеком. Пропать пролегла между человеком и Богом. По аналогии можно сказать, что если до грехопадения **лицо**, личность человека была повернута к Богу и жила Им, питалась Божественной жизнью, как источником, то теперь, после потери богообщения, **лицо** каждого из

нас повернуто на самое себя. Личность оказалась замкнутой на себе, отгороженной вдвойне – от Бога и другого – т.е. эгоистичной.

Христос приходит для того, чтобы восстановить единство, разрушенное грехом Адама. Он в Самом Себе восстанавливает это единство: с Богом, как Человек, незатронутый грехом, и с людьми, как Бог, Который больше не смотрит на грехи наши, т.к. они омыты кровью Иисуса.

А семья? Она – «малая Церковь». Церковь по замыслу Своего Основателя и по своей мистической сути есть единство. И это единство, как Царство Божие, одновременно грядущее и уже пришедшее в силе, как восстановленное состояние Адама и Евы до грехопадения, как уврачеванное благодатью человеческое естество, реализуется на разных уровнях церковного общения. В том числе – и, может быть, прежде всего – в христианском браке. Так должно быть. Раннехристианские источники донесли до нас аграфу – речение Христа, не вошедшее в канонические Евангелия, но, по-видимому, произнесенное Им: «Царство Божие там, где двое – уже не двое, а одно».

В монашестве и в браке эта цель достигается по-разному. В семейной жизни люди общаются, входят в соприкосновение с духом, душой и телом другого человека – своего спутника жизни. В монашестве общение происходит или, по крайней мере, должно происходить, главным образом, на уровне духа. Всякая излишняя душевность в монашеской жизни уводит от цели. Многие настоятели, особенно игумении женских монастырей, свидетельствуют о том, как опасно, когда сестры по-человечески привязываются друг к другу или к настоятельнице: возникает ревность, зависть и все прочее, что свойственно человеческому общению. В браке другая опасность: забыть о Боге, то есть о цели брака, осуетиться, в житейских заботах потерять то зерно Божественной жизни, которое бросил сюда Сеетель. В браке, как и в монашестве, душевная (тем более телесная) сторона отношений нуждается в разумном контроле: иначе она поглотит дух.

Но есть кардинальное отличие между этими двумя путями. В христианском браке супруги идут или, по крайней мере, стремятся идти к Богу вместе. Недаром говорят: «спутник жизни», «моя вторая половина». Муж и жена разделяют (может быть, в конце концов поневоле) горести и радости, душевные потрясения и кризисы, победы, успехи и неудачи детей... То есть всю жизнь во всех ее проявлениях.

Монах же – «монос» – один перед Богом. «Бог и душа – вот монах» – писал свт. Феодан Затворник. Даже если монах живет в общежительном монастыре (как это чаще всего и бывает), все равно его внутренняя жизнь в большей мере скрыта от окружающих. Там, где есть настоящее внутреннее делание, аскетический и молитвенный подвиг, там всегда есть тайна, ведомая только душе и Богу. Не случайно высшей ступенью монашеского жителства считается безмолвие, затвор. Потому что цель монаха – достичь такого единства с Богом, когда человек становится «един дух с Ним» (ср. 1 Кор. 6:17), когда уже не он живет, но живет в нем Христос (Гал. 2:20). А путь к такому единству – как тропинка на крутизну, по которой идешь (или бежишь), разбивая в кровь ноги о камни и цепляясь за колючки и тернии, постоянно возникающие на пути. Это путь, на котором открывается человеку бездна греха и милости Божией, путь, орошенный слезами и кровью. Если идти по нему не понарошку, то он оказывается настолько труден и узок, что не возьмешь с собой на вершину никого другого – слишком опасно. Самому можно погибнуть. И так и чувствует человек с

горячим покаянием. Как, помните, в «Несвятых святых» отец Мелхиседек: «Брат! Что ты меня спрашиваешь? Я сам погибаю!»

Но зато и утешение, которое получает монах – не человеческое. Дойдя до Бога и вернувшись от Него к людям, монах-подвижник получает великую привилегию: утешать других тем утешением, которым Бог утешает его самого (ср. 2 Кор. 1:4). Он знает всю палитру человеческих страданий, но знает ее иначе, чем семейный человек, который сам болел вместе со своими детьми, переживал трудности в браке, отступался, падал и вновь возвращался к любви. Монах тоже переживает падения и восстания, но не только благодаря житийскому опыту, а больше всего – благодаря покаянию. Достигнув необычайной силы, покаяние соединяет подвижника со всем человеческим родом и даже со всю тварью в единой мольбе о спасении, очищении и освящении (ср. Рим. 8:22-23). В своем покаянном страдании подвижник чувствует себя единым со «всем Адамом», и это страдание рождает его для жизни вечной, переплавляя все его существо в сосуд благодати. Это, конечно, вершины монашеского опыта, не всем доступные. Мы видим их в жизни прп. Силуана Афонского, ученика его старца Софрония, прп. Серафима Саровского. Но каждый трудится по своей мере.

Смысл монашества – не только «личное спасение», да, собственно говоря, никакого личного спасения не существует. Ведь спасение – это вхождение в Царство Небесное, в поток Божественной жизни уже здесь на земле и в вечности. Цель монашества – достичь, насколько это возможно, еще в земной жизни полноты обожения, т.е. совершенства. Такая цель тем более требует полной отдачи всех сил души, духа и тела. Их невозможно тратить на что-либо другое.

Действительно, угодить Господу – если есть такая решимость – в каком-то смысле проще одному, чем вместе со спутником жизни. Потому что двое людей вынуждены подстраиваться друг ко другу, ритм жизни и духовного роста у них разный, и опережающий вынужден поджидать отстающего. И это еще идеальный вариант, когда оба супруга верующие. Что же говорить о ситуации, когда один верующий, другой нет? Когда их становится не двое, а трое, пятеро, десятеро – рождаются дети? Обычно, когда кто-то в семье приходит к вере, резко возрастает духовное и психологическое давление на него: враг не дремлет. Неизбежно начинаются конфликты. Мне известно много случаев, когда семья с этим не справлялась и распадалась. Кроме того, сами «скорби по плоти» (1 Кор. 7:28) очень затрудняют движение вверх. С другой стороны, если радикальный путь посвящению Богу непосилен для человека – а в большинстве случаев это именно так – но тот, не рассчитав своих сил, рвется на Небо, тогда эти самые скорби выполняют роль старца в монашеской жизни: приземляют и смиряют зарвавшегося брата или сестру (по святоотеческому изречению: «если увидишь, что кто-то самочинно поднимается на Небо – возьми и стщи его за ноги»). Лучше сделать то малое (или многое: судить Господу), что можешь, чем покуситься на великое и в результате не сделать ничего.

Вообще в монашестве и браке много общего. И там, и здесь приходится смиряться, терпеть недостатки ближних, уступать, отсекал свою волю, притираться друг ко другу и все полнее узнавать закоулки души брата (сестры, жены, мужа) – и свои собственные, порой темные закоулки. И там, и здесь приходится **слушать и слушаться** – если, конечно, хочешь сохранить семью или свое монашество.

У всех людей разное устройство.

Одному удобнее спастись одному (простите за тавтологию) или в монашеском общежитии, другой «сделан» Небесным Конструктором так, чтобы соединиться со своей половинкой. Это понимал и Павел, несмотря на огромное желание передать другим свою горячую ревность о безобразном служении Христу. «Ибо желаю, чтобы все люди были, как я; но каждый имеет свое дарование от Бога, один так, другой иначе» (1 Кор. 7:7).

В чем же состоит евангельская истина о браке? Наверное, тема эта неисчерпаема. Поделюсь только несколькими мыслями, навеянными главным текстом Писания по этой теме, который читается во время таинства венчания. Этот отрывок часто оставляет у людей, особенно нецерковных, впечатление неравенства мужчины и женщины в браке: та должна повиноваться мужу «во всем» (так и слышатся возмущенные возгласы жен!), более того, «бояться» его. С какой это стати, скажет каждая вторая (если не первая) женщина, должна я бояться мужа, которому я стираю рубашки и носки и вообще, знаю его как облупленного?.. Но если в данном случае понимать глагол «бояться» в значении «благочестиво почитать», а затем посмотреть, за что, собственно, жене следует почитать мужа и какую это налагает на него ответственность...

За что Церковь почитает Христа? Это происходит естественно, и не только потому, что Он – ее глава, но и потому, что Он – ее Спаситель, Искупитель, Защитник и Врач, Небесный Жених. Ради нее Он умер на кресте, омыл ее Своею кровью, очистил, освятил и продолжает очищать и освящать, чтобы в конце времен найти Свою Невесту чистой, без всякого «пятна или порока», и привести ее домой, в Свое Царство. Если отношение мужа к жене будет хотя бы отдаленно похожим на отношение Христа к Церкви – а ведь именно к этому призывает апостол Павел – то и жена, скорее всего, не останется равнодушной. В конце концов она просто не сможет его не почитать, не любить и не бояться – в хорошем смысле: бояться обидеть малейшим словом, даже движением сердца. Такого рода страх жены, должно быть, очень схож со страхом Божиим, в том смысле, о котором мы говорим. А этот страх, по учению свв. Отцов, предшествует и приводит к любви...

Подобно тому, как мы, члены Церкви, тем самым являемся членами Тела Христова – жена является частью мужа, его телом. Тут, из желания несколько снизить пафос, мне вспоминается известная мысль: муж – глава, жена – шея; куда повернет шея, туда и голова... На самом деле речь просто о том, что муж и жена в конце концов становятся одним целым. И этот факт проявляется во всем: в общности привычек, представлений о жизни, даже жестов, мимики, интонаций. Многие пожилые, впрочем, как и молодые супруги и даже просто юноши и девушки, которые встречаются, необъяснимо похожи друг на друга. Наверное, это свидетельствует о том, что выбор был сделан правильно...

Попробую подытожить. Единство между людьми и Богом было расколото грехопадением. Христос восстановил его. И теперь мы по мере сил приобщаемся к Его спасительному подвигу. Монахи – через обретение единства и любви с Богом. Семейные люди – через искание и обретение единства друг с другом. Таким образом, и монашество, и брак являются путями к восстановлению утраченной целостности человеческого существа. То, что первозданный Адам имел в полноте, мы теперь обретаем в Церкви – по вертикали и по горизонтали. Получается крест...

А сумеет ли мы попасть в это Царство любви, вернее, станет ли оно постоянным состоянием нашего существа – это зависит от того, как мы пройдем свой путь ко Христу. Главное, чтобы целью, смыслом, радостью и завершением нашего пути всегда был Христос – и ничто другое.

Георгий Великанов

РАСТЕНИЯ В ЕВАНГЕЛИИ

В каждой истории есть главное ее содержание и есть малозначительные детали — описание различных бытовых мелочей, деревьев, животных, погоды, одежды людей... Казалось бы, убери эти пустяки — и ничего в истории не изменится: герой останется героем, враг — врагом, предатель — предателем. И все же именно такие описания делают любой рассказ живым, помогают нам лучше понять мир, в котором происходили описываемые в истории события.

Евангелие — рассказ о нашем спасении, которое совершил воплотившийся Бог Иисус Христос. Это главное содержание Евангелия. Но есть в нем и детали. Иисус тридцать три года жил среди людей на Земле. Он ел и пил, работал, одевался, ездил

на ослике, срывал плоды с деревьев, жарил на костре рыбу. А в Своих проповедях использовал образы, взятые из жизни пастухов и виноградарей, пахарей и рыбаков. Все эти описания тогдашнего палестинского быта словно бы раскрашивают евангельское повествование живыми красками, делают его ближе, доступней. Ведь и сегодня мы живем среди деревьев и трав, трудимся, готовим себе пищу, содержащим животным. И кто знает, быть может, именно через такие второстепенные детали для кого-то станут более понятными и главные смыслы Евангелия.

Например, через вот этот рассказ о некоторых из упомянутых в Евангелии растениях.

СМОКОВНИЦА

Смоковница — одно из самых часто упоминаемых растений в Новом Завете. Под ней Иисус чудесным образом видел будущего ученика Нафанаила и в доказательство Своего Божества сказал ему об этом видении: ... *Нафанаил говорит Ему: почему Ты знаешь меня? Иисус сказал ему в ответ: прежде нежели позвал тебя Филипп, когда ты был под смоковницею, Я видел тебя (Ин 1:48).*

Смоковницу проклял Он, когда нашел дерево бесплодным: ... *и увидев при дороге одну смоковницу, подошел к ней и, ничего не найдя на ней, кроме одних листьев, говорит ей: да не будет же впредь от тебя плода вовек. И смоковница тотчас засохла (Мф 21:19).*

Историческая родина смоковницы — Малая Азия, но сейчас инжир распространен по всему побережью Средиземного моря. В нашей стране он возделывается на Черноморском побережье Краснодарского края. Инжир считается одним из самых древних культурных растений. Это значит, что смоковница — одно из первых растений, которые человек стал специально выращивать в своих садах. Смоковница — довольно большое дерево с толстым стволом, высотой достигающее 12 метров. В тени ее густой листвы приятно отдохнуть в жаркий день, наслаждаясь сладкими плодами. Выражение «сидеть под своей смоковницей» в Библиисимволизирует идеал блаженства и благополучия.

У смоковницы много интересных особенностей. Например, необычное закрытое соцветие, которое называется сиконий. Выглядит сиконий как крупная, полая внутри «ягода». У других плодовых деревьев цветки, а потом и плоды вырастают на концах цветonoсных побегов — тех самых «хвостиков» от яблок, груш, вишен и слив. У смоковницы же сиконии вырастают прямо на стволе и крупных ветвях. На внутренней поверхности сикония,

закрывая от внешнего мира, располагаются многочисленные мелкие цветки. Из них-то потом внутри и вызревают плоды-орешки, окутанные вкусной мякотью. А то, что мы считаем плодом инжира, на самом деле и есть тот самый сиконий, закрытое соцветие.

Для того чтобы приносить ягоды, все плодовые деревья нуждаются в насекомых-опылителях. Садоводы специально ставят в садах ульи, чтобы трудяги-пчелы помогли саду дать урожай. Но как опылять цветки инжира, спрятавшие внутри сикония? У смоковницы и здесь есть свои сюрпризы. Опыляет ее особый вид насекомых, осы-малютки. Для этого они пробираются в узкое отверстие на верхушке сикония. А живут эти помощники смоковницы прямо здесь, на дереве, по соседству с будущим урожаем. Дело в том, что на смоковнице появляются два вида сикониев. Одни из них — сочные, из которых потом вызревает инжир. Другие плодами не становятся. Эти соцветия нужны для того, чтобы малютки-осы откладывали в них свои личинки. Так, смоковница сама, без всяких садовников, готовит на ветвях домики для своих опылителей. Эти сиконии-домики очень сильно отличаются от инжирных ягод. Они более жесткие и мелкие, поэтому перепутать их с инжиром невозможно. Осы-малютки безобидны для человека, никогда не кусаются и ведут себя очень мирно.

За лето только одна смоковница дает около тонны инжира. Основной урожай она приносит в начале осени. Но сиконии она выпускает несколько раз в году. Самые первые соцветия появляются на ее ветвях ранней весной, еще до появления листьев. И среди них тоже есть сочные сиконии, дающие съедобные плоды, хотя их в эту пору совсем немного. Возможно, именно эти весенние плоды искал Иисус на смоковнице, описанной в Евангелии.

ТРОСТЬ, ВЕТРОМ КОЛЕБЛЕМАЯ

Есть в Евангелии место, которое при первом прочтении бывает трудно понять. Речь идет о словах Иисуса, сказанных им после беседы с учениками Иоанна Крестителя: *Когда же они пошли, Иисус начал говорить народу об Иоанне: что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? (Мф 11:7).* Что это за трость? Ведь трость — это такая красивая палочка, на которую люди опираются при ходьбе. Но, чтобы можно было на нее опираться, она должна быть достаточно крепкой. Почему же она — ветром колеблемая?

На самом деле, тут произошла некоторая подмена смыслов в привычных для нас словах. Тростью в Евангелии назван тростник — растение, любящее сырость и обилие влаги. Тростник бывает нескольких видов. Один из них, более известный под названием камыш, вырастает до четырех метров в высоту. Его коленчатые стебли покрыты узкими длинными листьями, а на верхушке заканчиваются крупным соцветием в виде пушистой метелки, распадающейся на многочисленные колосья. Сами стебли длинные, гибкие и прочные, почти как дерево. Именно из камыша и делали палочки-трости для прогулок.

Вообще, камыш в древности использовался довольно широко. Поэтому его искусственно разводили для различных хозяйственных нужд. Так, например, твердые стебли шли на подпорки для виноградной лозы.

Камышовые трости упоминаются в самых трагичных местах Евангелия. Такую трость вместо скипетра — знака царской власти — дали в правую руку Христу воины, насмеявшиеся над ним (Мф 27:29–30). На камышовую же трость была наложена губка, напоенная уксусом и поднесенная к устам распятого на кресте Спасителя (Мф 27:48).

Но вернемся к трости, колеблемой ветром. Это другой вид растения, который так и называется — тростник. Внешне он похож на камыш, но стебель тростника ниже, тоньше, гораздо менее тверд и прочен. Что-либо полезное сделать из него невозможно, поэтому люди никогда не выращивали его специально. Тростник есть повсюду в сы-

рых и болотистых местностях. Растет он и в Палестине по берегам реки Иордан, где проповедовал Иоанн Креститель. Тонкие стебли тростника легко склоняются в направлении даже самого слабого ветерка. Поэтому Иисус и упомянул образ тростника в словах об Иоанне. Вот как объясняет это святитель Григорий Двоеслов:

«Что смотреть ходили вы в пустыню? трость ли, ветром колеблемую? Это сказал Он об Иоанне не утвердительно, а отрицательно. Ибо трость, как только подует ветер, тотчас склоняется на другую сторону. Таков тот, кто при благоприятных или неприятных обстоятельствах склоняется на ту или другую сторону. Ибо если из человеческого уст на него повеет ветер благоволения, он становится веселым, гордится и весь склоняется к благосклонности. Но если подует ветер неприязни оттуда, откуда дул ветер похвалы, то он быстро сгибается на противоположную сторону, к силе ярости. Иоанн же не был тростью, колеблемой ветром, потому что ни благосклонность не делала его приветливым, ни чья-либо неприязнь — жестоким».

ЕЛЕЙ МИЛОСТИ БОЖЬЕЙ

Есть в Евангельском описании Иерусалима место под названием Гефсиманский сад. Именно здесь Иисус ночью молился до кровавого пота. Здесь Его предал поцелуем бывший ученик. Здесь Он был связан и поведен на мучения и смерть. Гефсиманский сад расположен у подножия горы Елеонской. Оба названия какие-то непонятные и, на первый взгляд, никак между собой не связаны. Но стоит их перевести на русский язык, и связь сразу же станет очевидной. Дело в том, что «Елеон» в греческом языке означает — масличная. То есть гора, где растут маслины. Ну а «Гефсимания» переводится с еврейского как масличный пресс, специальное устройство для выжимки масла из плодов маслин.

Среди растительного мира маслины — удивительно долгожители. Из культурных деревьев, выращенных человеком, они живут дольше всех. Восемь таких маслин, возраст которых, по предположениям ученых, превышает 2000 лет, до сих пор растут в Гефсиманском саду. Некоторые ботаники даже утверждают, что оливковое дерево вообще может жить вечно, вновь и вновь получая новую жизнь от своих отростков, которые разрастаются из корней старой маслины и превращаются в новые, молодые деревья. Однако связь с родительским деревом у них сохраняется через корневую систему. Возможно, именно поэтому маслина стала в Библии символом семейного счастья и неразделимого единства рода: *сыновья твои, как масличные ветви, вокруг трапезы твоей (Пс 127:3).*

Это дерево ветвистое и не очень высокое. Оно может расти на скалистых участках, неприхотливо в уходе, требует мало воды и переносит длительные засухи. Плоды маслины продолговатые и мясистые, похожие на сливу. Сперва они бывают зеленые, потом желто-коричневого цвета и, наконец, совсем созревшие темнеют до черной. Выглядят спелые маслины очень аппетитно. Но если соблазниться и попробовать съесть такую ягоду, то ее сразу же выплюнешь. Горькая и даже немного жжется во рту. Мы привыкли к тому, что раз ягода, значит, сладкая, ну или в край-

нем случае — кислая. Но маслина в этом смысле совсем не похожа на привычные нам вишни или сливы. На вкус она сильно горчит. Поэтому из маслин не варят компоты и варенья. Их солят в бочках, как у нас солят огурцы и грибы. Соленые маслины очень вкусные. Но главная ценность этих плодов вовсе не в их вкусе. Из маслин делают знаменитое оливковое масло. Оливы — еще одно название все тех же маслин, только теперь уже на латыни. Маслина, елей, олива — все эти слова на разных языках имеют в своей основе слово «масло».

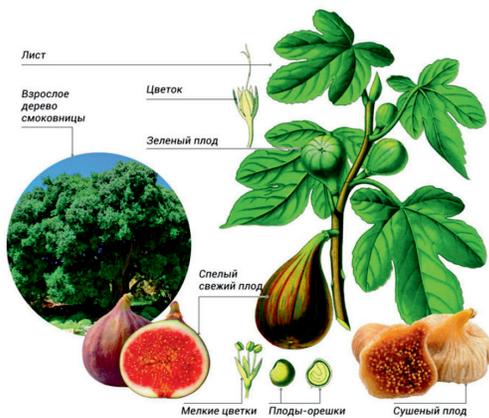
Именно ради него люди во все времена насаждали масличные сады. Оливковое масло сегодня используют по большей части лишь для приготовления салатов. Но в древнем мире это был незаменимый продукт, который служил человеку сразу в нескольких важнейших областях его жизни. Да, в древности оливковым маслом приправляли еду и использовали его для жарки. Но также это был и источник света: лампы, освещавшие дома людей в темное время суток, тоже заправлялись оливковым маслом, как сегодня — лампы в церкви. А еще масло из плодов оливковых деревьев являлось основой для всевозможных лекарств — мазей, каплей, микстур. Да и само по себе оливковое масло обладает целительным действием. Им размягчали струпья на ранах, обрабатывали различные повреждения кожи, принимали внутрь при болезни желудка.

Из-за этой целебной силы елей стал символом милости Божьей. Слова всем известной молитвы «Господи, помилуй!» в греческом языке звучат как «Кирие, элейсон!» — «Господи, помози мне елеем Своей благодати!». А оливковая ветвь считается эмблемой мира и обновления потому, что во время всемирного потопа именно лист маслины стал вестником окончания катастрофы: *И померидил еще семь дней других и опять выпустил голубя из ковчега. Голубь возвратился к нему в вечернее время, и вот — свежий масличный лист во рту у него — и Ной узнал, что вода сошла с земли (Быт 8:10–11).*

Необычайно широкое применение оливкового масла, а также неприхотливость и жизнестойкость маслины сделали это дерево самым распространенным из всех плодовых. Масличные сады люди разводят и на сухой песчаной почве, и на гористых местах. Собирают маслины тоже необычно. На земле расстилают два больших полотна — с двух сторон дерева. Получается квадрат 12х12 метров. Далее берут лестницу-стремянку, поднимаются повыше и специальным крупным гребнем, «вычесывают» оливки с веток. Оливки просто падают вниз, на полотно. Когда все плоды с дерева собраны, полотно берут за края и высыплют урожай в ящики. Из плодов только одной маслины получается до 80 литров масла.

Для его приготовления берут самые зрелые маслины. Потом их несколько раз омывают в воде, вынимают косточки, и измельчают в мелкую маслянистую кашку. Затем эту измельченную массу отжимают специальным прессом, и — пожалуйста! Очищенное от мякоти, из-под пресса течет ароматное, вкусное и полезное оливковое масло. То самое, которое люди в благодарность Господу за это чудо природы называли елеем — милостью Божьей.

Александр Ткаченко

Наконец, именно на смоковницу залез низкорослый сборщик налогов Закхей, чтобы увидеть Иисуса, окруженного толпой: ... *И вот, некто, именем Закхей, начальник мытарей и человек богатый, искал видеть Иисуса, кто Он, но не мог за народом, потому что мал был ростом, и, забежав вперед, взлез на смоковницу, чтобы увидеть Его, потому что Ему надлежало проходить мимо нее (Лк 19:2–4).*

Что же за дерево эта самая загадочная смоковница? Яблоно или грушу, например, мы знаем очень даже хорошо. На вишню, сливу или абрикос тоже доводилось взбираться за вкусными ягодами. А вот со смоковницей как-то не заладилось. И немудрено, ведь в наших краях она не растет. Зато плоды ее мы пробовали не раз, пускай и в сушеном виде. Дело в том, что смоковница — это инжирное дерево. А растущие на ней смоквы — обыкновенный инжир, который можно прямо сейчас пойти и купить в любом магазине. Правда, свежий инжир редко можно встретить на прилавках, ведь этот плод очень быстро начинает портиться даже при самом бережном хранении. Именно поэтому ещё в древности люди научились сушить смоквы. Сушеный инжир — продукт очень питательный, всего несколькими ягодами можно подкрепиться на целый полдень. Недаром им запасались воины Александра Македонского, собираясь в поход.